

LE MESSENGER
TRIMESTRIEL

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ПАРИЖ—НЬЮ-ИОРК

№ 79

IV . 1965

périodique de l'Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная коллегия:

Франция: К. А. Ельчанинов, В. А. Водов, проф. прот. Алексей Князев,
И. В. Морозов, свящ. Петр Струве, Н. А. Струве.
Америка: Епископ Сильвестр Монреальский и всея Канады, проф. прот.
Александр Шмеман, проф. прот. Иоанн Мейендорф, М. Гизетти, О. Раевская
Секретарь Редакционной коллегии: И. В. Морозов.
91, rue Olivier de Serres, Paris 15°. Tél. : BLO. 53-66

СОДЕРЖАНИЕ

Два решения — А. К.	1
Грамата Патриарха Афинагора к Архиепископу Георгию	3
Архипастырское Обращение Архиепископа Георгия	5
Провозглашение независимости Архиепископии	6
“Непрестанно молитесь” — Прот. Георгий Флоровский	8
Религия и культура — В. Вейдле	14
К 700-летию со дня рождения Данте — О. Мандельштам	22
Димитрий Сергеевич Мережковский (1865—1941). — В. Ильин	28
Гимн жертве. — Архиепископ Иоанн Сан-Францисский	31
Жизнь Православной Церкви в Сов. России. — Епископ Сильвестр	34
ГОЛОС ИЗ РОССИИ:	
Досточтимым Отцам II Ватиканского Собора	54
Благополучие и судьба России	61
XII Внеочередной Собор Американской Митрополии. — св. К. Фотиев	64

БИБЛИОГРАФИЯ

<i>The Russian Religious Renaissance of the XX Century — Nicolas Zernov.</i> — Л. Зандер	69
---	----

ХРОНИКА

Общее собрание членов Р.С.Х.Д. во Франции. — Прот. А. Семенов Тян-Шанский	70
Осенний Съезд Р.С.Х.Д. 10—11 ноября 1965 года. — Прот. А. Семенов Тян-Шанский	71

Подписная плата на год: 12 фр. С целью поддержки: 20 фр.; 50 фр.

Во Франции подписную плату просим вносить только на почтовый
счет РСХД:

C.C.P. Paris 2441-04. Action Chrétienne des Etudiants Russes,
91, rue Olivier de Serres, Paris-15°.

4 numéros par an. Abonnement annuel: 12 F. Prix du N° 3 F.

Adresse de la Rédaction: Action Chrétienne des Etudiants Russes,
91, rue Olivier de Serres, Paris-15°. France.

ДВА РЕШЕНИЯ

Конец истекшего года в православном мире был ознаменован двумя важными событиями: в Константинополе решением Вселенского Патриарха и его Синода был 22 ноября упразднен Экзархат Вселенского Престола, учрежденный патриархом Фотием II над православными русскими церквями в Западной Европе; в Париже значительное количество духовенства упраздненного Экзархата, собравшееся 30 декабря в кафедральном Александро-Невском Соборе, совместно с членами Епархиального Совета, решило встать на путь церковной независимости и бывший русский Экзархат Вселенского Престола был объявлен самостоятельным церковным уделом.

Первое из этих событий намечалось уже давно, несмотря на все усилия отстоять и сохранить Экзархат, проявляемые в Константинополе как представителями ныне упраздненного Экзархата, так со стороны отдельных лиц, православных и инославных, или церковных организаций, дружелюбно к Экзархату расположенных. Теперь же, когда решение было принято и совершилось вручение грамоты об упразднении Экзархата, остается только преклониться перед совершившимся фактом. Незачем тоже говорить о причинах, продиктовавших патриарху его решение. Нужно только пожалеть, что сотрудничество между Православными Церквями, о котором в своей грамоте говорит патриарх, потребовало, для своего осуществления, принесения в жертву церковного удела, который не желал ничего другого, как только оставаться под омофором Вселенского патриарха, проявляя неизменную лояльность к Святейшему Вселенскому Патриаршему Престолу, выступая всякий раз когда это становилось необходимым в защиту его привилегий и прав. Неужели дело объединения церковного ничем не отличается от сотрудничества между собой чисто мирских сил и держав? Неужели и оно должно быть обусловленным не только одними законами евангельской правды, а сопровождаться, на подобие строительства земного града, попираемом прав слабых?

Но приходится также задуматься и о возможных канонических последствиях принятого в Константинополе решения. Если патриарх и оговаривает в своей грамоте права Все-

БИБЛИОТЕКА — ФОНД
“РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ”
Н. РАДИЩЕВСКАЯ Д. 2
инв. 643

ленского Престола на Диаспору, то все же, не есть ли его акт формальный отказ от каких бы то ни было церковных прав на территорию Западной Европы? Не есть ли это вообще отказ от территориального принципа организации церковной жизни и, тем самым, новое, принципиальное утверждение церковного национализма, дробящего православный мир? Если это так, то нельзя не считать это действие как сугубо скорбное.

Второе событие связано с первым и явилось его непосредственным следствием. Исключенный, на основании слов граматы патриарха, из диаспоры, бывший Экзархат был волей-неволей поставлен перед решением о своей судьбе. Помимо всех трудностей, перед которыми он был поставлен, пред ним встала угроза разделения, если не прямого исчезновения или распада. Путь, указанный в грамате, а именно обращение к Московскому патриарху, оказался невозможным для большинства не только по психологическим, вполне понятным причинам, но и по соображениям канонического характера. Многим до сих пор остается непонятым, на чем основаны притязания Московского патриархата на общины, находящиеся на территории Западной Европы. Также для значительной части бывшего Экзархата, и тоже по соображениям церковно-канонического характера, представилось невозможным слияние с Зарубежной Церковью, из-за неприемлемости для многих целого ряда ее установок. Оставался лишь единственный путь, как бы ни был Экзархат к нему психологически не подготовлен, а именно: стать независимым церковным уделом. И для своего самосохранения он вынужден был решиться встать на этот последний путь, учтя при этом, ради исторического и канонического обоснования этого шага, и другую действительность, а именно то, что его народ и клир уже давно, в своем большинстве, формально состоит из полноправных граждан тех стран, на которые Экзархат простирается, а если еще не граждан, то апатридов, связанных с этими странами по своему юридическому статусу. Вот почему бывший Русский Экзархат Вселенского Престола был вынужден стать, ради продолжения того служения, которое он нес до сих пор, независимой Архиепископией Православной Церкви Франции и Западной Европы.

Решение, принятое 30 декабря 1965 г. в Париже, конечно еще нуждается в своем закреплении и оформлении на Епархиальном Съезде. Съезд этот должен собраться в сере-

дине февраля. Но путь уже предначертан. Скромно, без всякого триумфализма, но в полном сознании своей ответственности перед Богом и Православной Церковью, и потому твердо и определенно, бывший Экзархат занял никем до сих пор не занятое место и начал дело положения основ местной Православной Церкви в Западной Европе. И этим, несомненно, открывается в истории Православия новая страница.

А. К.

ГРАМАТА ПАТРИАРХА АФИНАГОРА К АРХИЕПИСКОПУ ГЕОРГИЮ

№ 1 Протокола 671.

Высокопреосвященный Архиепископ Кир Георгий, возлюбленный во Святом Духе брат и сослужитель нашей мерности, да будет вашему Высокопреосвященству благодать и мир от Бога.

При нашем предшественнике, блаженной памяти Вселенском Патриархе Фотии II, наша Великая Христова Церковь, принимая во внимание трудное и опасное положение, которое угрожало тогда нашим возлюбленным Русским Православным Приходам Западной Европы, ради обеспечения их духовных и вообще церковных нужд и ради сохранения и доброго управления их благ и имуществ, приняла эти приходы под свою непосредственную и наивысшую юрисдикцию, согласно каноническому праву, которое имеет наш Святейший Апостольский и Патриарший Вселенский Престол. Наша Великая Христова Церковь учредила для них в Западной Европе особый единый и непосредственно зависящий от Престола Патриарший Экзархат, находящийся под его кровом и надлежащим церковным руководством.

Этот Экзархат Русских Православных Приходов Западной Европы, учрежденный в условиях того времени и среди волнений, происшедших из-за разногласий в лоне зарубежной русской иерархии, носил, как полагается, печать временности, и следовательно, они должны были существовать пока существовали условия и нужды, потребовавшие его учреждения.

Но конечно, за истекшее с тех пор почти 35-летие, церковное положение изменилось. Вышеупомянутые Русские

Православные Приходы вели успешно свою церковную жизнь во всех ее проявлениях и утвердили свое существование. Возлюбленная же Святейшая Сестра Русская Церковь, которая находилась тогда в трудных обстоятельствах, избавившись от разделений и организовавшись теперь внутренне, приобрела и внешнюю свободу, активно сотрудничая со всеми поместными православными церквами, в управлении и решении вопросов и проблем, всякий раз когда последние встают перед вниманием Православной Церкви.

Имея в виду эти новейшие данные, и необходимое, в наши дни, единодушие и более широкое сотрудничество среди Православных Церквей для разрешения предстоящих великих и имеющих историческое значение церковных проблем, посоветовавшись обо всем этом с нашим Святым и Священным Синодом, мы вынесли постановление, и вне зависимости от прав, вытекающих из священных канонов для нашего Святейшего Патриаршего Вселенского Престола на Диаспору, упразднить учрежденный в 1931 г. временный по причине вышеупомянутых соображений Патриарший Экзархат Западно-Европейских русских Православных Приходов, в уверенности, что Святейшая Русская Церковь и ее маслитый предводитель Блаженнейший Патриарх Московский Алексей может и будет всегда оказывать и проявлять отеческую любовь подобную той, которую мы до сих пор оказывали этим приходам и иметь попечение о Вашем Высокопреосвященстве, священном клире и благочестивой пастве и о ваших нуждах.

Извещая настоящим Ваше возлюбленное Высокопреосвященство, Преосвященных Епископов, прочий священный клир и благочестивую полноту приходов об этом решении нашего Апостольского и Патриаршего Вселенского Престола, мы несколько не сомневаемся в том, что Вы, глубоко оценив причины, продиктовавшие это решение, с охотностью и в благовремени войдете в сношение с Блаженнейшим Патриархом Московским и всея Руси и нашим возлюбленным и возжеланным во Христе братом Алексием для устраивания ваших дел.

Благодать Бога и его бесконечная милость да будет с вашим возлюбленным Высокопреосвященством.

1965 год. Ноябрь 22.

Возлюбленный во Христе Брат
Патриарх Афинагор

АРХИПАСТЫРСКОЕ ОБРАЩЕНИЕ АРХИЕПИСКОПА ГЕОРГИЯ

Его Святейшество Вселенский Патриарх Афинагор, по причинам, изложенным нам в Его Грамате от 22-го ноября 1965 года, переданной нам Преосвященным Митрополитом Мелетием 26-го декабря 1965 года в 7 час. 15 мин. вечера, постановил своевременным закрытие Временного Экзархата Православных Русских Церквей в Западной Европе, учрежденного при блаженной памяти Митрополите Евлогии Святейшим Патриархом Вселенским Фотием II в 1931 году и подтвержденного Его Преемниками.

Понимая создавшуюся необходимость, которая привела Святейшего Патриарха и Его Священный Синод к этому решению, что лишает насъ Его непосредственного о нас попечения, мы утешаем себя тем, что отеческая любовь Его Святейшества нам всегда сопутствует и ныне, как и прежде.

Мы приносим Его Святейшеству и Его Святейшему и Священному Синоду нашу глубокую благодарность за покровительство и руководство, которые Вселенский Престол нам оказывал в течение 35 лет и которые не только позволили нашему Церковному Уделу получить твердую и незыблемую каноническую основу, но и дали нам возрасти, окрепнуть и развиться, о чем свидетельствует и сам Патриарх в своем к нам Обращении.

Решение Святейшего Патриарха упраздняет «временный» Русский Экзархат Вселенского Престола, что не означает упразднение нашего Церковного Удела, основанного в 1920 году и существовавшего как Митрополия до того времени, когда она стала 17-го февраля 1931 года Временным Экзархатом Вселенского Престола, пользующегося внутренней самостоятельностью. Эта самостоятельность не может быть упразднена. Наша церковная жизнь на Западе продолжается.

Твердо верим, что на этот путь привел нас сам Промысел Божий. С упованием на помощь Самого Господа, мы ныне вступаем на этот путь, по которому и будем вести наш церковный корабль, призывая всю нашу паству к соборному труду, для того, чтобы, сохраняя наш Церковный Удел, утвердить и оформить создавшееся положение согласно церковным законам.

Наш Церковный Удел — Независимая Архиепископия

Франции и Западной Европы является продолжателем жизни и дела наших Русских и всех других Западно-Европейских приходов, общин и церковных учреждений, неизменно пребывающих в лоне Единой, Святой Вселенской Соборной и Апостольской Церкви Православной.

Да будут милости и милосердие Божие со всеми вами.

Париж, 30-го декабря 1965 г. *Архиепископ Георгий.*

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ АРХИЕПИСКОПИИ

Мы, смиренный Архиепископ Георгий,

НА ОСНОВАНИИ Граматы от 22-го ноября 1965 года, посланной нам Его Святейшеством Патриархом Вселенским Афинагором через посредство Высокопреосвященного Мелетия, Митрополита Греческой Церкви во Франции, и им переданной нам 26-го декабря 1965 года в 7 час. 15 мин. вечера, извещающей нас об упразднении Временного Экзархата Его Святейшества Православных Русских Церквей в Западной Европе, созданного в 1931 году Его Святейшеством Патриархом Фотием II,

В ВИДУ ТОГО, что наш Церковный Удел, доселе составлявший Временный Экзархат и обладавший внутренней самостоятельностью, которую полностью сохраняет и по закрытии его, этим Патриаршим Решением предоставляется самому себе,

ОТМЕЧАЯ при сем невозможность для сего Удела в Западной Европе ни вступить в ведение юрисдикции Московского Патриархата, ни в ведение других церковных образований в Диаспоре, в силу нашего самостоятельного бытия,

ПОЛНОСТЬЮ сознавая чрезвычайную важность и значимость совершившегося события, не имеющего прецедента в церковной истории и налагающего на наш клир и церковный народ особую ответственность и призвание в соборе Православных Церквей,

В ТВЕРДОМ НАМЕРЕНИИ сделать, с Божией помощью, все возможное и нужное, чтобы продолжать, развивать и укреплять литургическое, пастырское, богословское, миссионерское и культурное дело этих церквей на месте их нахождения,

ИСХОДЯ из исторических условий и обстоятельств, в которых находится Православное рассеяние в современном мире, и

ПРИНИМАЯ во внимание плоды, уже принесенные Православием в Западной Европе и, в частности, во Франции, где нами насадились местные приходы, общины, монастыри и Высший Богословский Институт в Париже,

ССЫЛАЯСЬ на воззвание Епархиального Собрания 1949 года, которое излагает принципиальное положение Православных Церквей в Западной Европе,

УБЕЖДЕННЫЕ, в силу вышеизложенных соображений, что и Божий Промysel и исторические обстоятельства ведут наш Церковный Удел по единственному, открывающемуся ныне пути, а именно независимости, следовать которому и является для него отселе долгом перед Богом и Святой Православной Церковью,

В УВЕРЕННОСТИ, что эти церкви, принадлежащие ныне упраздненному Экзархату, сохраняют твердую каноническую почву, и что это положение полностью отвечает также и юридическому и гражданскому статуту клира и паствы, живущих в пределах стран, на которые распространяется Архиепископия, и либо являющихся гражданами этих стран, либо постоянно в них пребывающих,

В ПОЛНОМ соборном согласии с Преосвященным Епископом Мефодием и Епархиальным Советом и с духовенством, собравшимися 30-го декабря 1965 года в Александро-Невском Кафедральном Соборе,

И В СОВЕРШЕННОМ СООТВЕТСТВИИ с догматическим и каноническим преданием Святой Православной Церкви, живым и верным членом которой мы, по благодати Божией, с твердой решимостью остаемся,

ОБЪЯВЛЯЕМ

бывший Временный Экзархат Вселенского Престола Православных Русских Церквей в Западной Европе независимой и самостоятельной Архиепископией Православной Церкви Франции и Западной Европы.

СОЗЫВАЕМ Чрезвычайное Епархиальное Собрание Архиепископии для выработки надлежащего Устава и соответствующего Утверждения.

Архиепископ Георгий.

Париж, 30-го декабря 1965 г.

«НЕПРЕСТАННО МОЛИТЕСЬ»

(1 Сол. V.17)

Есть два вида молитвы, и об обоих свидетельствовал сам Спаситель в его беседах с народом.

В Нагорной Проповеди Господь заповедует ученикам «молиться втайне». Правда, это наставление направлено прежде всего против молитвы «лицемеров», против молитвы напоказ, «в синагогах и на углах улиц». Но этим противопоставлением заповедь не исчерпывается, и на нем стоит здесь главное ударение. Молитва есть **личное стояние** пред Отцом Небесным, «Который втайне», и при этой личной «встрече» с Богом не должно быть свидетелей: «войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему». Впрочем, и при этой «тайной» молитве нужно помнить, что «мой Отец», есть в действительности «Отец Наш», и так и следует к Нему обращаться. Уединение не означает обособления или забвения о других, о братьях в общем сыновстве пред Богом. И потому прощение обид и «оставление долгов», мир и примирение с братьями, есть предусловие и необходимый момент правильной молитвы: «как и мы прощаем должникам нашим» (Мф. VI).

В другой своей беседе Господь говорит об этом с особенной твердостью. «Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих...». И затем свидетельствует о силе общей и соединенной молитвы. «Ибо где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». Надлежит «соглашаться» в молитве, «просить» заодно, и тогда открывается последняя тайна: со-присутствие Христа в молитве (Мф. XVIII).

Молитва «втайне» и молитва «в согласии» — здесь нет ни противоречия, ни даже антиномии. Оба вида молитвы связаны неразрывно, и возможны только вместе. Один вид предполагает другой, и только в этой взаимной связи они достигают своей подлинной меры. Это дву-единство христианской молитвы отражает и выражает глубокое дву-единство христианского бытия, тайну Церкви.

Никто не может быть христианином сам по себе, в уединении, в обособлении. Быть христианином значит «быть в Церкви». Христианское бытие существенно корпоративно, «соборно». Однако самое участие в «соборности Церкви» предполагает **личную веру**, и с нее начинается и в ней укоренено. Церковь состоит и сла-

гается из лиц, ответственных и преданных Богу. Личность не растворяется, и не должна растворяться, в «соборности», в коллективе. Первые ученики Христа, «во дни Его плоти», не были обособленными индивидуумами, искавшими правды в частном порядке. Они были Израильтянами, то-есть полноправными членами Богоустановленного Общества, членами «Избранного Народа», к которому и было прежде всего обращено новое Благовестие. И в этом качестве они ожидали наступления Царствия, прихода Грядущего, «утешения Израилева». В известном смысле, «Церковь» уже существовала, когда пришел Мессия, Христос. Это был именно Израиль, Народ Завета. «Завет» этот предполагается Евангельской проповедью. Проповедь Спасителя была обращена к членам этой «Церкви», к «погибшим овцам Дома Израилева». Христос в своей проповеди никогда не обращался к обособленным людям». «Завет» был всегдашней предпосылкой его проповеди. И Нагорная Проповедь была обращена не к толпе случайных слушателей, но скорее к некоему «внутреннему кругу» тех, кто уже «следовал» за Ним в ожидании, что Он был Тот, Кого они ждали, по пророчеству и завету. Нагорная Проповедь есть очерк наступающего Царствия. «Малое стадо», которое Господь собирал вокруг Себя, было в действительности верным «остатком» Израиля, «остатком» Народа Божия, Избранного Народа. Этот «народ» должен был быть теперь преобразован — зовом Божиим, благовестием Царствия, приходом Обетованного. Однако, на этот зов каждый должен был откликнуться за себя, личным и вольным приятием, личной верой и послушанием. «Завет», как таковой, еще не обеспечивал отклика веры. И только немногие откликнулись и узнали Грядущего. И, вместе с тем, этот личный отклик веры включал верующего в новое единство, в новую «соборность». Такова неизменная схема христианского бытия: уверовать, и затем креститься, креститься в единое Тело. «Вера Церкви» должна быть лично принята и усвоена. Но только чрез крещальное включение в Тело этот личный акт веры получает подлинную устойчивость, достигает своей полноты. «Новый человек» рождается только в крещальной купели, — однако, под непременно условием личной веры. «Обращение» есть только условие. Тайнство его «исполняет».

И та же неразрывная двойственность характеризует всю жизнь христианина и, прежде всего, его молитвенную жизнь. Христианская молитва есть всегда личный акт, но свою полноту он получает только в «соборности» Церкви, в связи общей и корпоративной жизни. Личная и «общественная» молитва связаны неразрывно, и каждая из них вполне осуществима, достигает подлинности, толь-

ко через другую. Сознание, и сердечное приятие, этого двуединства есть условие и залог правильной и подлинной молитвенной жизни.

Нужно научиться молиться «втайне», наедине с Богом, свидетельствовать пред Ним свою веру и послушание, воздавать Ему славу и хвалу, в свободной и личной встрече или общении. И только те, кто воспитан в делании этой «уединенной» молитвы, «при закрытых дверях», могут духовно встретить друг друга и «согласиться» в том, что они должны просить совместно у их общего Отца на небесах. «Общественная» молитва требует личной подготовки и ее предполагает. Однако, странным образом, личная молитва христианина возможна только в измерении Церкви, ибо только в Церкви верующий становится христианином. Ибо и «втайне», «в своей комнате», христианин молится как член Церкви, как гражданин Царствия, как участник в спасении рода человеческого. Именно в Церкви мы научаемся молиться «по христиански», как христиане, соединенные Христом, и в Нем, друг с другом. Этот круг не может быть разорван или разомкнут без серьезной духовной опасности, без духовного вреда. Личная молитва вне контекста Церкви может легко выродиться в сентиментальный пиетизм, разложиться в ритм эгоистических эмоций, потерять трезвость. С другой стороны, без предварительной подготовки в искусстве личной молитвы и общественная молитва легко может превратиться в ритуальную формальность или, что не менее опасно, выродиться в эстетический транс. Церковь обязывает каждого верующего готовиться «втайне» к участию в «общественной» молитве. И это не только внешняя или формальная дисциплина. Она относится к самому существу молитвенного делания. В «общественной» молитве христианин должен **участвовать**, а не только присутствовать в храме, — **со-участвовать лично**, совместно с другими. Предел и мера христианской общественной молитвы есть **единомыслие** — «едиными усты и едином сердцем». Но и в этом единомыслии христианин должен участвовать лично, действенно, а не пассивно. Молитвенный акт всегда есть личное делание, даже и в «симфонии» с другими. С другой стороны, и личная молитва, даже «втайне», не есть «частная молитва», не есть «частное» дело каждого. Христианин всегда молится, и должен молиться, как член Церкви, памятуя об этом, никогда не обособляясь. В свое время, объясняя Молитву Господню, св. Киприан Карфагенский настойчиво подчеркивал, что христианская молитва всегда есть «общая и всенародная молитва» — *publica et communis oratio*, «потому что мы — весь народ — одно». И поэтому личная молитва должна быть широкой

и объемлющей, молитвою о всех и за вся. И только в таком молитвенном расположении верующие могут действительно «согласиться» и встретить друг друга, как братья — во Христе. Иначе умаляется тайна Церкви: все — одно Тело.

Христианская молитва есть ответ на Божий призыв, ответ на великие дела Божии, завершившиеся в деле спасения, в смерти и воскресении Спасителя. И потому она определяется, по форме и содержанию, истинами веры. Молитва не отделима от догматов. Христианская молитва существенно догматична. И прежде всего, она есть **воспоминание**, *anamnesis*, и возможна она только в перспективе «священной истории», истории Спасения. Церковные гимны полны воспоминаний и образов священной истории обоих заветов, Ветхого и Нового. Самая вера христианская есть ответ — благодарное опознание спасительного смотра Божия. Мы молимся по-христиански именно потому, что начало положено самим Господом. Мы обращаемся к Богу потому, что Он первый к нам обратился и нас призвал. Весь строй Библейской молитвы есть строй «исторический», уже в Ветхом Завете. И тогда он определялся памятью и воспоминанием: призывание Авраама, «отца верующих», Исход, Синайское законодательство. Этот исторический характер молитвы, в ее духовном обосновании, выражен еще строже и сильнее в Церкви Христовой, ибо воспоминаемые события достигли своего завершения — в Кресте и Воскресении. Литургическая анафора вся построена по исторической схеме: «поминающе убо спасительную сию заповедь, и вся яже о нас бывшая — крест, гроб, тридневное воскресение, на небеса восхождение, одесную седение, второе и славное паки пришествие...» Христиане всегда смотрят назад — обращены ко Христу, пришедшему во плоти, к Его кресту и воскресению. Настоящее, всегда текущее, может быть опознано и осмыслено по-христиански только через обращение или возвращение к прошлому, единственному и окончательному. Христианский «анамнезис» больше, чем только память или воспоминание. Он есть, в известном смысле, возврат к прошлому. Ибо «прошлое» во Христе стало постоянным «настоящим», и это единство веков с такой силой открывается в Божественной Евхаристии, в этом основании и откровении тайны Церкви. Христос — один и тот же, по апостольскому слову, и прежде и теперь и до века. Св. Иоанн Златоуст с парадоксальной настойчивостью разъяснял своим слушателям, что каждая Евхаристия есть **та же Тайная Вечеря**, и на ней действует **тот же Христос**. Церковь есть нечто большее, чем только «общество верующих», общество тех, кто верует в смысл и силу древних событий — Креста и Воскре-

сения. Церковь есть Тело Христово, общение или общество тех, кто «во Христе», и в ком сам Христос, по его обетованию, пребывает.

Есть некоторая непрерывность между Христом Спасителем и христианами, как ни трудно описать и определить точно смысл и характер этой непрерывности. Об этом опять-таки с неустрашимой настойчивостью говорил св. Иоанн Златоуст. В уста Спасителя он дерзал вложить такие слова: «соединенные вещи остаются все-таки в своих пределах, но Я сплетен с тобою. Я не хочу, чтобы оставалось какое-либо разделение между нами. Я «хочу, чтобы мы были одно» (Слово XV на 1 Тим., заключение). В молитве Церкви, и в молитве в Церкви, эта тайна единства и единения раскрывается, для очей веры. Молитва определяется верой, видением и прозрением веры. Но самая вера укоренена в том единстве, которое, по силе крещальной благодати, установлено между Христом и «присными Ему».

Молитва в Церкви есть общение между членами и Главой. Христианская молитва имеет характер и строй диалога. Не случайно многие Отцы называли молитву «собеседованием». Господь слышит и слушает молитву. С другой стороны, верующий ждет на свое обращение молитвенное ответа, в пределах самой молитвы. Об этом в недавнее время говорил Святитель Феофан Затворник. Мы начинаем с чтения молитв, установленных молитв, по молитвеннику, и не следует перескакивать чрез ступени. Но бывает, что молящемуся отвечает Дух, и тогда надлежит прервать чтение молитв и внимать и слушать. Вероятно, это дается не часто. Но в этом предел и цель молитвы, ее смысл и исполнение. Цель молитвы — встреча, и предание себя в руки Божии. Иначе говоря, наше молитвенное правило начинается обычно дерзновенным обращением к Духу Святому. Царю небес: «приди и вселися в ны». Молитва в ее полноте не есть односторонний акт верующего. В ней таинственно соучаствует сам Господь — не только потому, что Он «слушает молитву», но и потому, что Он ее внушает. «Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — чада Божия» (Рим. VIII.16). Строго говоря, по силе крещальной благодати, чрез крещальное «облечение во Христа», христианин не только стоит или ходит **пред Богом** — так было уже в Ветхом Завете, но и пребывает **во Христе**, как член Его тела, Церкви. Это — любимый и постоянный оборот речи у Апостола Павла. Христиане не странники и пришельцы, не сторонние, но присные Богу, чрез Христа и в Нем. Молитва раскрывает и осуществляет это таинственное пребывание «во Христе». Цель и смысл молитвы — быть с Богом,

сознавать Его присутствие и близость. Она есть постоянная обращенность к Богу. И потому именно должна она быть непрестанной. Молитва есть **состояние** христианина, а не только ряд отдельных обращений к Богу. В молитве есть ступени, и по ним нужно восходить смиренно и терпеливо. Как ответ на дела Божии, молитва есть, прежде всего, благодарение. **Анамнезис** и **Евхаристия** связаны неразрывно и нераздельно: это, в сущности, две стороны единого акта. Нельзя «вспоминать» Крест и Воскресение, это совершенное откровение любви Божией, без чувства благодарности. От благодарения рождается любовь, в ответ на Любовь Божественную. Но и благодарение рождается от любви. Здесь опять нерасторжимое двуединство. Однако, христианская молитва простирается дальше и глубже, чем благодарение. Ибо любовь Божественная есть Слава Божия, Его величие. И вершина молитвы есть именно **созерцание** этой неизреченной Славы, в котором даже благодарение умолкает и всякое слово человеческое изнемогает. По свидетельству святых Отцов, ангелы не просят и даже не благодарят, они только славословят. Это — предел и вершина. Однако, славословие должно присутствовать на всех ступенях молитвенного действия. И потому молитвы обычно завершаются **доксологией**, славословием Богу, Которому подобает «всякая слава, и честь, и поклонение». Но это завершение есть в то же время и начало: ведь первое прошение Молитвы Господней есть именно прославление Бога — «да святится Имя Твое».

В нашем обыденном понимании, молитва есть прежде всего «моление», просьба. И действительно, такова молитва начинающих. И об ее ограниченности и несовершенстве говорил сам Христос, в Нагорной Проповеди. Не подобает быть многословным в молитве, подобно язычникам: «ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него». Именно этим сознанием должна вдохновляться всякая молитва: только Господь действительно знает, в чем мы нуждаемся, знает наши действительные нужды, как наш всегдашний Помощник и Покровитель. И потому подобает всецело вверить себя Его любви: «сами себе, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим». В этом и начало и конец молитвы.

Да будет Его святая воля!

РЕЛИГИЯ И КУЛЬТУРА

Современный человек мыслит религию — не только чужую, но и свою — как одну из составных частей культуры. В городе, где он живет, есть здания, предназначенные для богослужения, и есть театры, библиотеки, почтамты, универсальные магазины, а подобно этому и в сознании его размещены, как бы на полках того же шкафа, представления или понятия, связанные с религией, и всевозможные другие, относящиеся, скажем, к музыке, астрономии, медицине, шахматной игре. Ему кажется поэтому вполне естественным, когда в книгах он находит сперва обзор событий за такой-то период древне-греческой, например, истории, а затем параграфы или главы, посвященные хозяйству, домашнему быту, религии, литературе, искусству того же периода. На самом деле, однако, привычные эти взгляды резко противоречат как исторической правде, так и внутренней логике вещей. Религия не там же, где культура со всеми разделами своими, а где то за ней или под ней. Она уже потому не часть или область культуры, что вся культура — излучение религии. Но и этим не все еще сказано. Культура идет из религии, но не вводит нас в религию. И как только мы с точки зрения религии взглянем на культуру, нам захочется заглавие размышлений этих зачеркнуть или по крайней мере союз «и» в нем заменить резкой разделяющей чертой.

Религии культура ненужна. Нечего ей делать с культурой. Экие, скажите, «культуртрегеры» — палестинские мытари и рыбаки! Пусть, в глазах Пилата, Христос — человек (даже с большой буквы), но уж конечно не «культурный человек», в подобие самому Пилату. Знать ничего не знает и не хочет знать религия о культуре (как сплошь и рядом — но лишь с недавних пор — и культура о религии). С этого и надо начинать. Мы не поймем, в чем между ними связь, если не увидим сперва, что связи, которая нам мерещилась, вовсе и нет. Ни добрососедских отношений нет, ни зависимости религии от культуры. Да и как могла бы религия культуру порождать, излучать, если бы сама зависела от нее, сама бы ею порождалась? Тут, однако, надлежит остановиться и проверить: уж не запутались ли мы? Неужели религии

может оказаться чужда та самая культура, которую она же и породила?

Нет, мы не запутались. Но чтобы в этом убедиться и весь вопрос этот хотя бы лишь приблизить к выяснению, необходимо различать основу, корень, центральное ядро религии от всего остального, о чем мы думаем, когда мы думаем о ней. Религии не только может сделаться чужда культура, порожденная ею, а затем переродившаяся и с ней порвавшая, но она и вообще, в основе своей, внеположна культуре, как таковой — лишь постольку, однако, поскольку сама эта основа внеположна всему остальному содержанию религии. Что же такое эта основа? Проще всего назвать ее верою. Вера создает религию, но создав ее остается ее огненным, неприкосновенным, ее живым и живительным ядром. Ее нельзя собственными силами добыть из знания о религии, из приятя религии. Она даруется нам; но не религия ее дарует, а она дарует нам религию. Когда я говорю, как учит меня Евангелие, «верую, Господи, помоги моему неверию», я тем самым религию приемлю, но веры, или полноты веры у меня еще нет: иначе не молился бы я о ней. Если же полнота эта будет мне дана, я религию конечно не отвергну, но **в крайнем случае** обойдусь и без религии.

Можно пояснить исторически и различие это между религией и верой, и «крайний» этот случай. — Вера христиан в воскресение Христа, и в их со-воскресение с Ним и в Нем, родилась в Иерусалиме, но их религия образовалась в Антиохии, Эфесе, Александрии, Риме и в менее крупных общинах на тех же берегах — там, где возникли и учение, и обряд, и церковный устав и едва ли не все книги Нового Завета. Первейшим таинством этой религии было Крещение (за которым в те времена непосредственно следовало, завершая его, Причастие). Однако, древняя церковь учила, что Крещение водой законным образом может заменяться Крещением кровью, т. е. исповеданием веры, закрепленным мученической кончиной, которая, таким образом, становилась на место единоспасяющего, воскрешающего в вечную жизнь таинства и делала его, в данном случае, ненужным. Да и не ясно ли само по себе — для этих, как и для всех времен — что приемлющий мученическую смерть, и даже всякий отдавший жизнь свою «за други своя», религию, пусть и полностью ее утверждая, все же упраздняет, сожигает ее (во всем, что не вера, а выросло из веры) огнем, верой зажженным, огнем своего свидетельства о ней. И точно также любой

подвиг, хотя бы и не смертельный — прощения, покаяния, самообуздания — к тому сердцевинному огню ближе, чем ко всем обрядам и уставам. Оттого-то и совершают его порой, как и подвиг самопожертвования, души далекие от религии, души неверующие, но верящие. Даже без того, чтобы сказали они: «верую», помог их неверию Господь. Они поверили...

— В Кого? Во что?

— В непрозрачный для рассудка смысл своего подвига.

Никто не имеет права, и всех меньше верующий, сказать, что такая вера не равносильна вере в Воскресение Христово.

*
**

Вера довлеет себе. Ей ничего не нужно. И все-таки, или именно поэтому, она создает религию. С неизбежностью создает, ища себе выражения, оформления, закрепления, как в отдельной душе, так и в сознании и жизни общины, общества «верных», народа, семьи народов. Создавая религию, она становится неотделимой от нее и все же не сливается с ней: слияние это происходит лишь в те высшие и редкие мгновенья, которые верующему, даже и внутри религии, дает не религия, а вера. Веками, тысячами огонь ее все так же горит в глубине ею же созданных, себе на потребу, канонов, догматов и литургий, как он горел, когда религия только еще начиналась. Все этим огнем согрето, каждый камень необозримых возведенных религией палат, каждая страница бесчисленных Житий, чуть ли не каждый столбец в многотомной греческой и латинской Патрологии аббата Миня. Но разве перед смертью не назвал Фома Аквинат соломой высокие свои творения? Он не только греет, тот огонь. Если дерзнешь и дано тебе будет, ты в нем сгоришь, и палаты спалишь, и сожжешь в нем свои, да и все чужие фолианты. Таковы столь разные, но в единой вере пути св. Франциска, Лютера, испанского «крестного» Иоанна, а быть может — при всем буквоедстве — и нашего протопopa Аввакума, и самосожженцев на высоких их кострах. Изуверство зажгло те костры, но веря (а не веруя только) на них сгорали, и трудно думать, что Тот, в Кого верили они, осудит сгоревших за их неуменье разобраться в своей религии. Огонь веры сжигает и без костров, даже созданную им религию сжигает, но она восстает из пепла; лишь когда потухнет огонь, насту-

пит и ее конец. Недаром большими буквами было написано ОГОНЬ в середине листка, свидетельства веры, зашитого в ладонку, которую Паскаль носил на груди до самой смерти.

Вера создает религию. Из религии излучается — религиозная на первых порах — культура. Никаких четких границ при этом не возникает. Вся культура Египта, передней Азии, древней Греции, средневекового Запада, Византии, древней Руси неразрывно связана с религией. Не то чтобы духовная жизнь человека и творческие его дела проистекали, в совокупности своей, из этого одного источника. Духовная жизнь у него есть, потому что есть у него слово, т. е. язык, состоящий не из одних сигналов и значков, но еще и из выражений, передающих смыслы, которые на булавку не посадишь (будь эта булавка сигналом, значком или термином), а наличие духовной жизни (которой животные и электронные машины лишены) именно и дает ему возможность религиозного, как и всякого другого познания и творчества. Возможность эту осуществлял он и вне связи с религией — в области слова или сквозь язык ритмов, мелодий, узоров, пластических и живописных образов, а также путем изготовления необходимых ему орудий и предметов домашнего обихода. Но дело все в том, что высокие религии, в отличие от первобытных, воспитывают по-новому мысль и тем самым поднимают слово на неслыханную доселе высоту, даруют ему новые поэтические богатства, овладевают письменностью, поражают или преображают право, берут себе на службу, усложняя и возвышая их, музыку, танец, драматическое действие, создают не существовавшее до того монументальное зодчество, которому образ и узор не только служат, но и включаются, с ним во главе, в охватывающее все эти искусства единство, то единство, которое мы называем — не в обычном, повсюду применимом, а в более сильном смысле слова — стилем.

Ни в какой другой области культуры нет явления, столь наглядно свидетельствующего о характере ее связи с религией, как стиль. Египетская и греческая религия знали один лишь стиль, ими созданный и умерший вместе с ними, но так бывает только там, где религия остается до конца религией одного народа (симбиоз греческих верований с римскими и ближне-восточными к созданию нового стиля не привел). Христианство создало три совершенно различных стиля: византийский, готический и тот, который следовало бы назвать итальянским (он родился во Флоренции, и много позже, после крупных изменений обрел могущество в Риме), и, кроме того, большое число до целостного стиля не дозревших единств (как, например, на Западе в романскую эпоху, или в древ-

ней Руси — одно в Новгороде, другое во Владимире, третье поздней в Москве). Объясняется это множественностью «исповеданий» — почти решился бы я даже сказать религий (но отнюдь не вер) — внутри христианской религии, но не в меньшей мере и врожденной (т. е. ни из чего другого не выводимой) склонностью конкретных стилесоздателей, жителей такого-то города, такой-то местности, к той или иной разновидности узора, к тому или иному решению строительных или изобразительных задач. Самые задачи эти проистекали, однако, из их религиозного сознания и, что еще важнее, этим сознанием осмыслились. Искусство стилистическое свое единство обрело не просто эти задачи выполняя, но и выражая тот смысл, что вложила в них религия. Все стили прошлого, недосозданные, как и создавшиеся до конца, всегда были стилями искусства, ставшего языком религии. Поначалу, это всегда язык храмостроительства и религиозного образа, но и позже, отделяясь от тех высказываний, для которых он был создан, он еще долгое время остается единственно возможным, единственно понятным языком, исключаящим все другие стили, и чьи формы отнюдь не сразу теряют свой старый смысл, при изменившихся темах и строительных заданиях. Даже и вполне обмирщенное и утратившее стиль искусство еще оглядывается назад, объявляет классическим религиозное свое прошлое, подражает ему в особо торжественных и церемониальных случаях. Ни к чему хорошему подражания эти не ведут. Однако не одни Академии, но и массы, а главное поработители этих масс ищут — в слепую — возвышенного. Все возвышенное было некогда священным.

Что верно об этих искусствах, то верно и о других, верно и о всей вообще культуре. Повсюду в ней сквозит породившая ее религия. Наша музыка, единственная в мире европейская музыка, не только из богослужения возникла, не только была еще в лице Баха музыкой по преимуществу «духовной», но и позже, став «светской», продолжала пользоваться языком, чья понятность вытекает из того, что создан он был для высказывания душевных движений, связанных с религией, и притом с нашей (т. е. европейской) христианской религией. Язык наш, всех христианских или воспитанных христианством народов, всей нашей поэзии и литературы, являет по разному следы своей укорененности в языке Библии, христианского благочестия, в богослужебном и богословском языке. Больше того — и тут мы выходим за пределы искусства — сама наша мысль, наше понимание мира и людей, вся наша духовная жизнь все еще ищет, а если ищет, то и находит опору в той религии, из которой излучилась наша культура, хотя многие из

нас уже и отказываются считать ее **своей** религией. Несмотря на отказ, беззакатное это, но для них заходящее солнце, нет, нет да и пронзит им сердце, или душу им согреет длинным, вечерним своим лучем. Порой становится ясно и им, что христианскую мораль нечем заменить, что мало радости в искусственно изолированном эстетическом объекте, что ничего нет по-настоящему ценного в распыленных «ценностях» и что самому словечку этому место в меняльной лавке, а не среди доводов и укоров потревоженной их совести. Да и кто говорит о ценностях, как не тот, у кого нет ничего святого? Как только почувствуешь ты, что у тебя есть святое, все они исчезнут или растворятся в нем. Тут-то ты быть может и поймешь, что культура, во всем существенном своем — религия. Этой истине история нас учит. Но если ты ее откроешь лично для себя, это будет значить, что ты уже сказал: «Верую, Господи, помоги моему неверию».

Возвращаясь к началу наших размышлений и к нынешнему положению вещей, мы вполне уверенно можем теперь сказать, что вера и религия, не отделяющая себя от веры, имеют право ничего не знать о культуре, но что культура не имеет права ничего не знать о религии, особенно о той религии, которая ее породила и воспитала. Культура остается укорененной в религии и солидарной с ней, даже если носители ее, так называемые культурные люди, этого не знают или это отрицают. Солидарность эта (укорененностью обусловленная) гораздо ярче сказывается в наше время, чем сказывалась еще недавно. Она проявляется с полной ясностью, как в конфликте между культурой и научно-технической цивилизацией, так и в попытках насильственно культуру от религии оторвать.

Ни наука, ни техника, ни цивилизация не могут быть отвлеченно (т. е. всегда и при всех обстоятельствах) противопоставляемы культуре. Французы и англичане чаще называют культуру цивилизацией, чем культурой, и в цивилизации, самой по себе, ничего противокультурного нет. Технику греки не отличали от искусства, когда речь у них шла об архитектуре, скульптуре, живописи или прикладном искусстве; и конечно для постройки готических соборов требовалась весьма развитая и утонченная техника. Наука так же выросла из религиозных идей и интересов, как и драматургия или более высокие формы юриспруденции. Для

научно-технической цивилизации показательно, однако, что наука она примет лишь точную (т. е. основанную на дедукции или эксперименте), а неточную (т. е. всякое понимание духовной жизни, не проверяемое в лаборатории или путем вычислений) устраняет. И столь же показательно для нее, что она не технику подчиняет культуре, а культуру технике, и что в цивилизации она видит всего-лишь совокупность удобств или гарантию благополучий или обеспеченную государством возможность далее развивать технику. Но всего глубже ее характеризует отношение ее к слову, т. е. к мышлению и языку (см. об этом мою статью «Умерщвление слова», «Мосты» XI). Технике и той науке, которая всецело ориентирована на технику, слова, содержащие смыслы, ненужны; ей нужны лишь такие словесные или несловесные значки и сигналы, которые отсылают к доступным лабораторному исследованию предметам или к взаимоотношениям между такими предметами. В соответствии с этим, решительные сторонники научно-технической цивилизации объявляют рассуждения богословов, философов и прочих истолкователей духовной жизни человека, а также все оценочные суждения, без которых нельзя обойтись ни в области морали, ни в области искусства, ни в области истории, не то, чтобы неверными, но беспредметными, не допускающими проверки, неспособными быть ни верными, ни неверными, и поэтому, в конечном счете, пустою болтовней.

Такое мировоззрение, отменяющее, с религией заодно, всю культуру и даже всю духовную жизнь человека (основанную на смысловом мышлении, и на нем одном) или, в лучшем случае, отводящее ей место невинных забав в часы досуга, все чаще встречается нынче, как на Западе, особенно англо-саксонском, так и в Советском Союзе, по преимуществу (но не исключительно) среди людей профессионально прикованных к различным механизмам научно-технической цивилизации. На деле, цивилизация эта сосуществует, конечно, с культурой, да и перемешивается с ней в сознании ее носителей (если бы совсем удалось ей вытеснить культуру, она утратила бы право именоваться цивилизацией); но тут наблюдается некоторое различие между Западом и Советским Союзом, которое можно выразить сказав, что научно-техническая цивилизация менее культурна в Советском Союзе, чем на Западе. Происходит это оттого, что власть имущие в стране, называвшейся некогда Россией, рук не покладают хлопоча о том, чтобы унаследованную ею культуру от религии оторвать и приклеить к выцеженной Лениным из писаний Маркса и Энгельса идеологии. Результат получается такой же, как если бы кто выдернул дерево

из земли и посадил его в кадку, предварительно нарубив туда две-три высохших ветки другого дерева. Русская разновидность христианско-европейской культуры была глубже в религии укоренена и сохранила с ней до недавнего времени более тесную связь, чем любая из западных разновидностей ее; но вот уже почти полвека у русских людей пытаются отнять не только их религию, но и знание об этой религии, не только очень значительную часть того, что делает их русскими, связывая их с прошлым, но и знание об этой части их прошлого. Малограмотные старатели калечат культуру своей страны, уменьшают сопротивление, которое культура эта могла бы оказать научно-технической цивилизации, и по невежеству своему даже не понимают при этом, что для сциентизма или техницизма их собственная идеология — такая же пустая болтовня, как и все, что не техника и не используемая техникой наука.

Но как бы то ни было, и что бы ни угрожало культуре, науко-техника или презираемая ею, как и культурой, псевдо-научная идеология, чем сильнее эта угроза, тем яснее видит причастный культуре человек, что нет культуры без религии, что главное в культуре — религия. А Россия, «нищая Россия», с четырьмя буквами каленым железом выжженными на груди, разве она не знает, что душу ей калечат и ум затемняют одним махом, а не порознь? Недаром разрушают старинные ее церкви: на те же дрова растаскивают, тем же щебнем засыпают культуру и религию. А все же работают зря. Веру искоренить не могут. Веры в России еще и сейчас — можно быть в этом уверенным — больше, чем на Западе. Только слова у этой веры нет, имени она себе не знает. Но будем помнить: религия создает культуру, однако путь к религии идет не из культуры, а из веры. И сомненья нет, что много есть душ в России, которые, если б знали, молились, и имели бы право молиться, как еще никогда не молился никто: верю, Господи, научи меня веровать в согласии с моей верой.

К 700-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДАНТЕ

Чтение Данта в России — тема обширная и еще почти не изученная. От первых не дошедших до нас опытов С. Шеверева до монументального и, в своей законченности, беспримерного перевода М. Лозинского, Дант не переставал читаться и изучаться. Над Дантом размышляли В. Соловьев и о. П. Флоренский. Совершенно по-новому Дант был прочитан акмеистами: “Мы с Мандельштамом, — писала Ахматова, — читали Данта всю жизнь, и вместе и врозь”.

Предлагаем вниманию читателей небольшой отрывок из неизданного “Разговора о Данте” О. Мандельштама. Эти удивительные страницы (такие “неуслышанные”, как выразилась о них Ахматова) одновременно проникновение в дантовский поэтический мир и своего рода самопризнание. Вникая в Данта, О. Мандельштам строит собственную поэтику. Полностью “Разговор о Данте” войдет во второй том “Собрания сочинений” О. Мандельштама под редакцией Г. Струве и Б. Филиппова.

Редакция.

До нас, разумеется, не дошли дантовы черновики. Мы не имеем возможности работать над историей его текста. Но отсюда, конечно, еще не следует, что не было перемаранных черновиков и что текст вылупился готовым, как Леда из яйца или Афина Паллада из головы Зевса. Но злополучное шестивековое расстояние, а также весьма простительный факт не дошедших черновиков сыграли с нами злую шутку. Уже который век о Данте пишут и говорят так, как будто он изъяснялся непосредственно на гербовой бумаге. Лаборатория Данте — нас это не касается. Какое до нее дело невежественному пиетету? Рассуждают так, как если бы Дант имел перед глазами еще до начала работы совершенно готовое целое и занимался техникой муляжа — сначала из гипса, потом в бронзу. В лучшем случае ему дают в руки резец и позволяют скульптурничать или, как любят выражаться — «ваять». При этом забывают одну маленькую подробность: резец точно снимает лишнее, и черновик скульптора не оставляет материальных следов, что очень нравится публике; сама стадийность работы скульптора соответствует серии черновиков. Черновики никогда не уничтожаются.

В поэзии, в пластике и вообще в искусстве нет готовых вещей. Здесь нам мешает привычка к грамматическому мышлению, — ставить понятие «искусство» в именительном падеже. Самый процесс творчества мы подчиняем целевому предложному падежу и мыслим так, как если бы болванчик со свинцовым сердечком, поколебавшись как следует в разные

стороны, претерпев различные колебания по опросному листку: о чем, о ком, кем и чем — под конец утверждался в буддийском, гимназическом покое именительного падежа. Между тем готовая вещь в такой же мере подчиняется косвенным, как и прямым падежам. К тому же, в теории познание поставлено на должное служебное место: будучи совершенно преодолено математикой, которая имеет свой самостоятельный самобытный синтаксис, — в искусствоведении эта схоластика синтаксиса не преодолевается и наносит ежечасно колоссальный вред. В европейской поэзии дальше всего жили от дантовского метода и, прямо скажу — ему полярны, противоположны — именно те, кого называют парнасцами: именно — Эредиа, Леконт де Лиль. Гораздо ближе Бодлер. Еще ближе Верлен и наиболее близок во всей французской поэзии Артур Рэмбо. Дант по природе своей колебатель смысла и нарушитель целостности образа. Композиция его песен напоминает расписание сети воздушных сообщений или неустанное обращение голубиных почт.

Итак, сохранность черновика — закон энергетики произведения. Для того чтобы прийти к цели, нужно принять и учесть ветер, дующий в иную сторону. Именно таков и закон парусного лавирования.

Давайте вспомним, что Дант Алигьери жил во времена расцвета парусного мореплавания и высокого парусного искусства. Давайте не погнушаемся иметь в виду, что он созерцал образцы лавирования и маневрирования. Дант глубоко чтит искусство современного ему мореплавания. Он был учеником этого наиболее уклончивого и пластического спорта, известного человечеству с древнейших времен.

Мне хочется указать здесь на одну из замечательных особенностей дантовской психики: на его страх перед прямыми ответами, быть может обусловленный политической ситуацией опаснейшего, запутаннейшего и разбойнейшего века.

В то время, как вся *Divina Commedia*, как было уже указано, является вопросником и ответщиком, каждое прямое высказывание у Данта буквально вылупливается то при помощи повивальной бабки — *Виргилия*, то при участии няньки *Беатриче* и т. д.

Inferno, песнь XVI. Разговор ведется с чисто тюремной страстностью: во что бы то ни стало использовать крошечное свидание. Вопросают трое именитых флорентийцев. О чем?

Конечно, о Флоренции. У них колени трясутся от нетерпения и они боятся услышать правду. Ответ получается лапидарный и жестокий, в форме выкрика. При этом у самого Данта после отчаянного усилия дергается подбородок и запрокидывается голова — и это дано ни более ни менее, как в авторской ремарке:

Così gridai colla faccia levata.

Иногда Дант умеет так описывать явление, что от него ровным счетом ничего не остается. Для этого он пользуется приемом, который мне хотелось бы назвать гераклитовой метафорой, с такой силой подчеркивающей текучесть явления и таким росчерком перечеркивающей его, что прямому созерцанию, после того как дело метафоры уже сделано, в сущности уже нечем поживиться. Мне уже не раз приходилось говорить, что метафорические приемы Данта превосходят наши понятия о композиции, поскольку наше искусствоведение, рабствующее перед синтаксическим мышлением, бессильно перед ним.

Когда мужичонка, взбирающийся на холм
В ту пору года, когда существо, освещающее мир,
Менее скрытно являет нам свой лик,
И водяная мошкара уступает место комарикам,
Видит плянущих светляков в котловине,
В той самой, может быть, где он трудился как жнец и как
пахарь;

Так язычками пламени отсверкивал пояс восьмой,
Весь обозримый с высоты, на которую я взшел,
И подобно тому, как тот, кто отомстил при помощи медведей,
Видя удаляющуюся колесницу Ильи,
Когда упряжка лошадей рванулась в небо,
Смотрел во все глаза и ничего не разглядел,
Кроме одного единственного пламени,
Тающего, как поднимающееся облачко,
Так языкастое пламя наполняло щели гробниц,
Утаивая добро гробов — их поживу,
И в оболочке каждого огня притаился грешник.

(*Inferno*, XXVI, 25-42).

Если у вас не закружилась голова от этого чудесного подъема, достойного органических средств Себастьяна Баха, то попробуйте указать, где здесь второй, где здесь первый член

сравнения, что с чем сравнивается, где здесь главное и где второстепенное, его поясняющее.

Импрессионистская подготовка встречается в целом ряде дантовских песен. Цель ее — дать в виде разбросанной азбуки, в виде прыгающего, светящегося, разброганного алфавита те самые элементы, которым по закону обратимости поэтической лирики надлежит соединиться в смысловые формулы.

Так вот, в этой интродукции мы видим легчайший, светящийся гераклитов танец летней мошкары, подготовляющей нас к восприятию важной и трагической речи Одиссея. XXVI песнь *Inferno*, — наиболее парусная из всех композиций Данта — наиболее лавирующая, наилучше маневрирующая. По изворотливости, уклончивости, флорентийской дипломатичности и какой-то греческой хитрости она не имеет себе равных.

В песне явно различимы две основных части: световая импрессионистская подготовка и стройный, драматический рассказ Одиссея о последнем плавании, о выходе в Атлантическую пучину и страшной гибели под звездами чужого полушария.

По вольному течению мысли разбираемая песня очень близка к импровизации. Но если вслушаться внимательно, то окажется, что певец внутренне импровизирует на любимом, заветном греческом языке, пользуясь для этого лишь как фонетикой и тканью родным итальянским наречьем.

Если ребенку дать тысячу рублей, а потом предложить на выбор оставить себе или сдачу или деньги, то, конечно, он выберет сдачу, и таким способом вы сможете отобрать у него всю сумму, подарив ему гривенник. Совершенно то же самое произошло с европейской художественной критикой Данта, которая пригвоздила Данта к гравюрным ландшафтам ада. К Данту еще никто не подходил с геологическим молотком, чтобы дознаться до кристаллического строения его породы, чтобы изучить ее вкрапленность, ее дымчатость, ее глазастость, чтобы оценить ее, как подверженный самым пестрым случайностям горный хрусталь.

Наша наука говорит: отодвинь явление, и я с ним справлюсь, освою его. «Далековатость» (выражение Ломоносова) и познаваемость для нее почти однозначны.

У Данта расстающиеся и прощающиеся образы. Трудно спускаться по излогам его многоразлучного стиха.

Еще не успели мы оторваться от тосканского мужичонки, любующегося фосфорной пляской светляков, еще в глазах

импрессионистские ряби от колесницы Ильи, растекающейся в облачко, — как уже процитирован костер Этеокла, уже названа Пенелопа, уже проморгали троянского коня, уже Демосфен одолжил Одиссею свое республиканское красноречие, и снаряжается корабль старости. Старость в понимании Данта прежде всего кругозорность, высшая объемность, кругосветность. В одиссеевой песне земля уже кругла.

Это песня о составе человеческой крови, содержащей в себе океанскую соль. Начало путешествия заложено в системе кровеносных сосудов. Кровь планетарна, полярна, солоната.

Всеми извилинами мозга Одиссей презирает склероз, подобно тому, как Фаринато ад.

«Неужели мы рождены для скотского благополучия и остающуюся нам горсточку вечерних чувств не посвятим дерзанию — выйти на запад, за геркулесовы вежи — туда, где мир продолжается без людей».

Обмен веществ самой планеты совершается в крови, и Атлантика всасывает Одиссея, проглатывает его деревянный корабль.

Немыслимо читать песни Данта, не оборачивая их к современности. Они для этого созданы. Они снаряды для уловления будущего. Они требуют комментария *futurum*.

Время для Данта есть содержание истории, понимаемой как единый синхронистический акт; и обратно: содержание есть совместное держание времени — сотоварищами, соискателями, сооткрывателями его.

Дант — антимодернист. Его современность — неистощима, неисчислима и неиссякаема.

Вот почему одиссеева речь, выпуклая, как чечевица зажигательного стекла, обратима и к войне греков с персами, и к открытию Америки Колумбом, и к дерзким опытам Парцельса, и к всемирной империи Карла V.

Песнь XXVI, посвященная Одиссею и Диомиду, прекрасно вводит нас в анатомию дантовского глаза, столь естественно приспособленного лишь для вскрытия структуры будущего времени. У Данта была зрительная аккомодация хищных птиц, неприспособленная к ориентации на малом радиусе: слишком большой охотничий участок.

К самому Данту применимы слова Гвидо Кавальканти, столь невежливо оборвавшего его беседу с гордецом Фаринато:

Noi veggiam, come quei che ha mala luce.

(Inferno, X, 100)

т. е. — мы — грешные души — способны видеть и различать только отдаленное будущее, имея на это особый дар. Мы становимся абсолютно слепы, как только перед нами захлопываются двери в будущее. И в этом своем качестве мы уподобляемся тому, кто борется с сумерками и, различая дальние предметы, не разбирает того, что вблизи:

E se già fosse, non saría per tempo.

Плясовое начало сильно выражено в ритмике терцин XXVI песни. Здесь поражает высшая беззаботность ритма. Стопы укладываются в движение вальса:

E se già fosse, non saría per tempo.

Chè più mi graverà com' più m'attempo.

Così foss' ei, da che pur esser dee!

(Inferno, XXVI, 10-12)

Нам — иностранцам, трудно проникнуть в последнюю тайну чужеродного стиха. Не нам судить, не за нами последнее слово. Но мне представляется, что здесь именно та пленительная уступчивость итальянской речи, которую может до конца понять только слух прирожденного итальянца. Здесь я цитирую Марину Цветаеву, которая обмолвилась «уступчивостью речи русской...».

Если следить внимательно за движением рта у толкового чтеца, то покажется, будто он дает урок глухонемым, т. е. работает с таким расчетом, чтобы быть понятым и беззвучно, артикулируя каждую гласную с педагогической наглядностью. И вот достаточно посмотреть, как звучит XXVI песнь, чтоб ее услышать. Я бы сказал, что в этой песне беспокойные, дергающиеся гласные.

Вальс по преимуществу волновой танец. Даже отдаленное его подобие было невозможно в культуре эллинской, египетской, но мыслимо в китайской и вполне закономерно в новой европейской. (Этим сопоставлением я обязан Шпенглеру). В основе вальса чисто европейское пристрастие к повторяющимся колебательным движениям, то самое прислушивание к волне, которое пронизывает всю нашу теорию звука и света, все наше учение о материи, всю нашу поэзию и всю нашу музыку.

ДИМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ МЕРЕЖКОВСКИЙ

(1865 — 1941)

(К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Приходится только удивляться до какой степени и старые и молодые сейчас мало читают Мережковского и помнят его имя. На вершинах же русского ренессанса Д. С. Мережковскому принадлежит одно из самых первых мест — уже потому, что он является его зачинателем.

Жизнь Д. С. Мережковского может быть разделена на два большие периода: русский — Петербургский (1865-1919) и Парижский — эмигрантский (1919-1941).

Вместе с Владимиром Соловьевым и, немного позже, вместе с Валерием Брюсовым Д. С. Мережковский является одним из первых русских символистов. Символизм представляет собой одно из вечно ценных явлений в поэзии и прозе наряду с классицизмом и романтизмом. Большим поэтом Д. С. Мережковский не был и его нельзя даже отдаленно сравнить с его супругой З. Н. Гиппиус и тем более с такими зачинателями символизма, как названные выше, присоединив к ним гениального К. Случевского, открытого Достоевским. По совокупности его критических этюдов, как, например, этюда о Гоголе, и вообще разного рода «опытов», он конечно должен быть поставлен в число зачинателей и глав русского символизма и «эссеизма».

Символический оттенок и стиль характеризуют также и его знаменитую и прославленную трилогию исторических романов под общим заглавием «Христос и Антихрист». Здесь он прославился не только на всю Россию, но и на весь мир. К этому же удивительно плодотворному периоду творчества Д. С. Мережковского относятся и его лучшие критические работы: «Гоголь и черт», «Вечные спутники», «Достоевский — пророк русской революции», «Религия Толстого и Достоевского». Весь тот период можно обозначить как понимание истории с точки зрения борьбы Христа и Антихриста. Конечно, такую установку и следует назвать художественной формой христианской историософии.

Полезность от такого изложения проблемы очень большая: основные проблемы священно-христианской историософии входят в нас не в виде сухих схем понятий, но в виде живых образов, легко

запоминающихся образов, с трудом уходящих из сознания, даже навсегда там остающихся.

Особенно удались Д. С. Мережковскому образы Леонардо да Винчи, Петра Великого и Алексея. Мережковский ввел еще нечто новое, но к чему мы все теперь уже как бы несколько привыкли, хотя все же в нем есть великая новизна, даже одна из зорь того будущего изменения в самом стиле христианства, когда произойдет то долгожданное сближение Церкви и мира, раскол между которыми — надрыв, даже разрыв, был одной из главных бед новейшей истории культуры.

Д. С. Мережковский был первый из провозгласивших имеющими священный характер и вполне приемлемыми для людей христианской культуры те ценности, которые до сих пор не только считались до конца секуляризованными, профанными, но даже являющимися как бы орудиями профанации и секуляризации. Сближение между Церковью и интеллигенцией началось со знаменитых «Религиозно-философских собраний», сразу же обнаруживших свою творческую плодотворность и заинтересовавших широкие круги. На них началась бурная творческая работа. Но оба крайние крыла враждующих сторон обнаружили неисцелимую враждебность к этому делу «внутренней миссии». Однако дело все же шло, несмотря на все препятствия. Если бы не война 1914 года, по всей вероятности, великое дело, предпринятое Д. С. Мережковским вместе с его окружением, которому тогда сочувствовали Бердяев, Булгаков, Флоренский, Розанов, Тернавцев, было бы доведено до благополучного завершения. Но вторжение сил зла, хаоса, войны и вражды, как внешней, так и внутренней, опрокинули все расчеты.

Д. С. Мережковский вместе с большей частью русской творческой элиты должны были испытать горечь эмиграции, горечь ссылки, изгнания — хотя и в высшей степени почетных, но все же до крайности болезненных и унижительных... И вот, несмотря на крайне трудные, иногда даже невозможно трудные условия, совершилось то, что можно назвать творческим культурным чудом эмиграции. Это чудо еще ждет своего беспристрастного историка.

Начался второй «парижский» период деятельности Д. С. Мережковского. Он является продолжением первого, и это упорство в достижении раз поставленной себе цели само по себе должно уже заслуживать глубокое уважение. Второй, парижский, период жизни и творчества Д. С. Мережковского (1919-1941) оказался столь же плодотворным, как и первый. Он начался с беспощадной книги «Царство Антихриста», написанной и изданной в 1919 году, где писатель расправляется с военным коммунизмом и режимом.

Не будем забывать того, что страшный опыт революции не прошел бесследно для Д. С. Мережковского. В нем укрепилось раз навсегда сознание величия и непреходящей ценности конкретных культурных данностей церковного христианства. Опыт зла стал для Д. С. Мережковского не опытом социально-политическим, — как, увы, для многих слепцов, — но чисто мистическим. У Мережковского совершенно особое отношение к третьему лицу Пресвятой Троицы, Господу Богу Духу Святому. Внимательное чтение новозаветной письменности и в особенности таких отцов, как преп. Симеон Новый Богослов, раскрыло ему, что само пришествие Господа Иисуса Христа завершилось ниспосланием Духа Святого на святых учеников и апостолов, на Церковь и на весь мир, которому через это надлежит освятиться и обожиться. Эту тему принял в свое сердце Мережковский, но, как всегда, окольными книжными путями и главным образом через учение замечательного средневекового мистика XII века св. Иоахима из Флоры о «трех заветах»: о первом Завете Отца, который есть ветхий библейский Завет, о втором Завете, который есть Новый Завет Сына, и наконец, о грядущем Завете Духа Святого, который связан с будущим явлением и установлением Царства Божия во Втором Пришествии. С приобретением этого великого мистического опыта как в добре, так и в зле, и отошел в вечность великий писатель, обогатив мир такими произведениями, как книги о Данте, об Атлантиде, а в области религиозно-философской — новыми опытами, как «Иисус Неизвестный» и «Тайна трех».

За последние две книги на Мережковского посыпались многочисленные жестокие нарекания, частью обоснованные, частью исходящие от людей, совершенно некомпетентных. Зерна золота во всяком случае есть и в этих книгах и принесут, и уже принесли, они большую пользу. У Д. С. Мережковского, одного из «Царей духа» нет темных деяний, а грехи и погрешности или ошибки есть, как и у всякого. Но не ошибается только тот, кто не «ищет, стена» — говоря языком Паскаля. И еще:

Человек заблуждается, покуда ищет —

как сказал Гете в своем Фаусте.

Больше всего надо бояться людей, живущих (если только они действительно «живы») за счет «готовых истин». Самые прочные истины — это те, которые добыты собственным трудом и собственным подвигом, хотя бы и ценой заблуждений.

В. Ильин.

Архиепископ Иоанн САН-ФРАНСИССКИЙ

ГИМН ЖЕРТВЕ

На мире
Печать жертвы.
Все всему приносится
И раздается,
Как воздух и солнце.
Человек, это согласие,
Сочувствие и содействие;
Человек, это жертва
И любовь —
Осуществляющаяся
И неосуществленная.
Человек, это дар вечности
И жертва времени,
Приносимая всему
И себя приносящая...
Вечное входит в человека,
А проходящее проходит чрез человека.
Слава уходит от славлюбца,
Серебро от сребролюбца,
Власть — от властного,
Сила — от сильного...
Только гордость, зависть и алчность,
Неподвластные духу жетрвы,
Мучают человека
Призраками жизни.
Все дается человеку каплей,
А протекает мимо него океанами,
Дается глотком воздуха,
А сияет звездными пространствами.
И это все,
Не дающееся нам в уста,

Надо уступать и отдавать,
Как бы, по любви...
В Боге
Мы всем обладаем,
Если ничего не имеем.
Закон Жертвы —
Отдавать,
И не-желать
И не иметь ничего,
Кроме Любви...
Отдавать все
И не желать ничего,
Ни вола, ни лепестка,
И все раздавать,
И отдавать
Богу Вышнему,
Облакам, людям и звездам.
«Мое только то, что я отдал»,
Сказал Максим исповедник.
Жертвенность — образ Христов.
Бог положил на все
Печать Своей Жертвы.
Но есть жертва Каинова,
И есть — Авелева.
Есть жертва губящая,
И есть — спасающая.
«Если я отдам
Тело свое на сожжение,
А любви не имею,
Нет мне в том никакой пользы».
И — «призрел Господь
На Авеля и на дар его;
А на Каина и на дар его
Не призрел».
Жертва есть претворение
Неистинного в истинное,

Не жертвенного в жертвенное.
Духа Истины алчет жертва,
А безглазые призраки истории,
У которых рога «подобны агнчим»,
Требуют себе жертв неистинных...
Оттого велик подвиг Авраама
И чудесна его жертва,
Богу отдающая
Жизнь и надежду.
Свята вера Авраама,
Чиста его жертва.
Да не будет в мире жертв каиновых!
Да не будет жертв разбойничьих!
Да не гибнет человечество
От ложной своей уступчивости,
От грешной своей податливости...
Жертва Христова,
Спасающая разбойников и самарян,
И раненых, лежащих на дорогах,
И пастырей, идущих мимо,
В тебе сияют души —
«От Авеля праведного,
До Захарии, Сына Варахиина,
Убитого между храмом и жертвенником».
И для тебя живет
Весь мир,
И причащается
Из Чаши Жизни,
Все отдавая Богу
И принимая
От Бога все,
Весь дар любви,
Все звезды, все миры,
Все тайны.
Аминь.

ЖИЗНЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СОВ. РОССИИ

1. — Внешнее положение Церкви

Когда заходит речь о Церкви в Сов. России, сразу же указывается, что по Конституции СССР «Церкви предоставлена свобода»... Но какая «свобода», в чем «свобода» — об этом стараются умолчать и не говорить! Статья же 124 Конституции СССР звучит так: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами»... Мы видим, что Церкви дана только «свобода отправления религиозных культов», и только, ни о каких других свободах Церкви и для Церкви Конституция СССР не говорит.

Программа КПСС, принятая XXII съездом, указывает на необходимость «систематически вести широкую научно-атеистическую пропаганду». Устав КПСС также содержит требование, обращенное к членам партии, вести решительную борьбу «с религиозными предрассудками».

XXII съезд КПСС наметил целую программу мер для преодоления религии в Сов. Союзе в «период развернутого строительства коммунизма». Н. С. Хрущев в отчетном докладе на съезде указывал: «Нужна продуманная и стройная система научно-атеистического воспитания, которая охватывала бы все слои и группы населения, предотвращала распространение религиозных воззрений, особенно среди детей и подростков». «Разве нормально, когда у людей, выросших при Советской власти и воспитанных в советской школе, вдруг обнаруживаются религиозные предрассудки, суеверия!» — возмущается журнал «Наука и религия».

«Религия и суеверия уводят в сторону от общественной деятельности, лишают человека счастья творческого труда. Они являются серьезной помехой на нашем пути к коммунистическому обществу. Именно поэтому борьба с ними должна стать делом каждого советского человека. Нельзя забывать, что религия и суеверия сами не исчезнут. Они должны быть преодолены в результате повседневной воспитательной работы» (из доклада Н. С. Хрущева).

В связи с этими постановлениями XXII съезда КПСС в «Календаре Атеиста на 1964 год» появилась статья — «Воспитывать

воинствующих атеистов!», в которой ставится требование к школе: «В школьных программах нет специального курса научного атеизма, но школьное образование в нашей стране не просто безрелигиозное, а и антирелигиозное. В процессе всего обучения, с первого до выпускного класса, на уроках по самым различным предметам и во внеклассной работе учителя помогают формированию у ребят материалистического взгляда на мир, на ярких примерах показывают, какой вред приносит людям вера в бога, растят непримиримых борцов против религиозного мракобесия»... Возможно, некоторые скажут: «А нужно ли вести в нашей школе систематическую антирелигиозную пропаганду? Ведь большинство учащихся и так не верят в бога!».

«Да, нужно! — ответим мы им. — Каждый школьник должен быть сознательным, убежденным материалистом, умеющим защитить и научно обосновать свои взгляды. Иначе он не сможет дать решительный отпор носителям религиозной идеологии»...

В связи с этими распоряжениями властей сразу же запестрели корреспонденции с мест в атеистическом журнале «Наука и религия». «Начало положено», под таким заголовком в декабрьском номере 1954 г. было помещено сообщение:

«...Есть в Кировской области небольшое село Матвинур, в ней действует церковь. Она находится рядом с нашей средней школой, и часто колокольный звон срывается в окна классов.

По инициативе совета пионерской дружины, мы решили создать в школе клуб юных атеистов, чтобы не только самим знать правду о религии, но и рассказывать об этом взрослым. Такой клуб уже существует. Члены клуба провели вечера вопросов и ответов: «Земля и Солнце», «Наука и суеверия» и т. д. Проводят они беседы в отрядах и группах, в классах выпущены атеистические стенгазеты. Кроме того, редколлегия клуба еженедельно выпускает газету «Юный атеист».

Раз в месяц члены клуба выступают по местному колхозному радио, готовят номера школьной радиогазеты. Вечерами ребята показывают атеистические диафильмы, сопровождают их беседами.

Сейчас мы решили создать музей атеизма в школе. Начало положено — открыт атеистический уголок...».

Не только в школе ведется эта усиленная пропаганда атеизма. Атеистические лекции, беседы, кинофильмы, газетные статьи, радиопередачи, выступления по телевидению — все должно быть на службе атеистической пропаганды. «Наши издательства ежегодно выпускают 300 названий книг по атеизму общим тиражом до 6 миллионов экземпляров» («Наука и религия», № 2 — 1965 г.).

Кроме «чисто атеистических» или как в Сов. Союзе принято называть их — «научно-атеистических» книг, в этом году выходило довольно много «романов», «повестей», «очерков» с атеистической основой. Многие «советские классики» в своих произведениях должны теперь вводить «атеистический» элемент, хотя бы какую-нибудь карикатуру на священника или верующего человека...

Обычно в этих «романах» и «повестях» верующие люди изображаются как «стяжатели», «пьяницы», «развратники», «тунеядцы», «в монастырях царит кулачное право», «среди верующих царят антисоветские настроения». Все верующие всегда именуется «людишки», «черная воронья стая», «утлые сектанты». У них всегда «злобные, жестко сверкающие на заросших, на давно небритых лицах» глаза, «козлиные бородки», «фиолетовые бугристые» или «подозрительно красные» носы. Это все — «грязные старухи» и «невежественные бабки», они «шамкают беззубыми ртами». «Уподобившись шавкам, лающим из подворотни», они «огульно обливают», «злобно брешут», «скулят». Существующие еще до сих пор православные монастыри именуется «цитаделью антисоветчины»... Верующая женщина «с молоком матери получила склонность к антисоветской пропаганде». Убеждения верующих это — «евангельские побасенки», «священная писанина», «галиматья», «суррогат», «религиозная зараза»... Верующие поклоняются «обмусоленным иконам», с которыми «целуются взапас», «засиженный мухами бог», «божественная мамаша» или «мать-одиночка» (о Богородице)...

Мы не можем себе представить в какой атмосфере издевательства, преследования, наказания живет в данный момент православное население Сов. Союза! Мы не представляем чем и как отравляют душу подрастающего поколения, душу русской молодежи! Только лишь когда сам окунешься в эту «научно-атеистическую» пропаганду, и подумаешь, что другой духовной пищи почти нельзя найти, или же она под строгим запретом, тогда поражаешься тому чуду — несмотря на атеистическую печать, кинофильмы, радио, телевидения — крепости убеждений религиозных!.. И сама безбожная власть это чувствует и в своем озлоблении начинает насильно закрывать храмы — эти единственные «рассадники религиозных предрассудков», остающиеся действующими или, по советской терминологии, «работающими». Насильственное закрытие и разрушение церквей идет полным ходом.

В шестом номере журнала «Наука и религия» за 1964 год даны указания «когда допускается закрытие церквей»:

«...При каких же условиях допускается закрытие церкви, ко-

стела, мечети и т. п.? Во-первых, это может быть сделано тогда, когда нет достаточного количества верующих, желающих содержать и поддерживать свой храм. Иными словами, когда религиозное общество распалось и в связи с этим снято органами власти с регистрации. Религиозное объединение может быть снято с регистрации, а молитвенное здание закрыто и по иным причинам, а именно: за нарушение советского законодательства о культурах, за несоблюдение условий договора, по которому церковное здание было передано верующим, за отказ выполнить законные указания государственных органов.

Во-вторых, здание культа может быть закрыто, если оно подлежит сносу вследствие реконструкции населенного пункта или из-за ветхости здания. И в-третьих, если возникает необходимость передать молитвенное здание для государственных или общественных надобностей»...

Как видим из указанного, в любой момент атеистические власти могут у верующих отнять храм. В то же время нужно иметь в виду, что «жизнь Церкви» разрешена только в храме. Категорически запрещается и недопускается миссионерская деятельность Церкви. Абсолютно запрещено преподавание Закона Божьего детям и всем не достигшим совершеннолетия — ни в храме, ни на дому. Категорически запрещается совершение богослужения или общественной молитвы вне храма. На кладбищах запрещено совершать панихиды и литии...

Почти все церковные требы совершаются при условии специальной регистрации всех, кто заказывал данную церковную службу. Это ограничение — для запрета «бабушкам» крестить детей без ведома родителей, что так часто практиковалось в Сов. Союзе... Теперь священник не имеет права крестить ребенка пока не получит письменное заявление от отца и матери. Если же священник совершит крещение без этого «письменного разрешения», он привлекается к ответственности по 227 статье уголовного кодекса РСФСР. Родителям же, подписавшим заявление о желании крестить ребенка, чинятся различные неприятности по месту их работы!

Церкви совершенно запрещается какая бы то ни было благотворительная деятельность...

В 1962 году был издан секретный циркуляр правительства, согласно которому детям и всем несовершеннолетним вход в храмы воспрещен. Духовенство не имеет права начинать богослужение, если в храме находятся дети и подростки. До богослужения духовенство должно «изгнать» детей из храма... Причащать детей можно только до трехлетнего возраста.

Родителей, воспитывающих детей в религиозном духе, отдают под суд, который отнимает детей и передает в государственные интернаты, где их воспитывают в атеистическом духе...

В повестях, очерках и корреспонденциях с мест, обычно детей из верующей семьи представляют «худенькими, хилыми, заморенными постом и поклонами»... Вот характерное описание такой девочки: «...Больнее всего посланцу (атеисту-ревизору) с завода было за девочку-подростка. Она во время разговора сидела и молчала... И все же он улучил момент. Старуха вышла из комнаты, и ему удалось узнать, что очень набожна не только бабушка, но и отец с матерью. Мало того, что школьнице не разрешают вступить в комсомол, дружить с одноклассниками, ее заставляют каждый день подолгу отбивать поклоны, вымаливая себе и семье прощение за неизвестные ей грехи. Бледная, худенькая девочка производила впечатление цветка, лишённого солнца и воздуха, который вот-вот увянет...» («Наука и религия», № 12 за 1964 г.).

Часто в советских журналах теперь указывается, что «власть бережно охраняет» памятники русского искусства и памятники «народной древности»... Даже некоторые московские иерархи здесь, за границей, преподнося хорошие издания древней русской иконы, ставят в заслугу советской власти «бережное отношение к церковному искусству»... Как это бережно охраняется, хорошо сказал в своих воспоминаниях И. Эренбург: «Я привез его (Бернала — англичанина) в окрестности Волоколамска, где на берегу озера сохранился прекрасный монастырь XVI века. Хотя над воротами надпись, что здание находится под охраной государства, никто его не охранял. В башне, где был заточен Василий Шуйский, мы увидели свинью; в храме с осыпающейся росписью сушилось белье»... «Люди, годы, жизнь» в «Новом мире», № 3 за 1965 г.

2. — Внутренняя жизнь Православной Церкви

В первой части мы рассмотрели в каких условиях приходится жить Православной Церкви в Сов. Союзе. Нам трудно даже вообразить, как может существовать Церковь в таких условиях!.. И все же Православная Церковь в этих жестоких гонениях живет и действует.

Какие мы имеем сведения о внутренней жизни Церкви? Очень скудные! Больше всего мы можем узнавать из «Журнала Московской Патриархии», а также, как ни странно, из атеистической литературы!..

В данный момент Русской Церкви разрешено издавать ежемесячно «Журнал Московской Патриархии» на 80 страницах. В каком количестве издается этот журнал — нам не известно. Только церковные издания не имеют указания их «тиража», по всей вероятности, они издаются в таком ничтожном количестве, что решено «лучше не опубликовывать этих сведений», что делается для любой книги советского издания!

Издается еще ежегодно — «Православный Церковный Календарь», также на 80 страницах и без указания количества экземпляров. В 1959 и 1961 году были изданы 2 сборника «Богословские труды», 176 и 216 стр. В первом сборнике от издательства было указано: «по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия, Издательство Московской Патриархии возобновляет традицию периодического публикации трудов русских православных богословов, которые будут издаваться в виде ежегодных сборников». Но после выхода в 1961 г. второго сборника, это издание прекратилось — власти запретили «заниматься религиозной пропагандой». С 1963 г. не было издано ни одной Богослужбной книги (в 1960 г. вышла Общая Минея, в 1961 г. — Часослов, в 1962 г. — Октоих в 2 частях).

Но в последние годы «просочилось» некоторое количество книг богословского содержания из-за границы. Правда, это «капля» в море для жаждущих таких книг. Но мы знаем, что некоторые из них «перепечатываются» на пишущих машинках и распространяются среди верующей интеллигенции.

Это как бы «подпольные издания»! До нас дошла и другого рода «подпольная религиозная литература» — это листовки «Братства Православной Молодежи» (так они подписаны)...

«Иисус Христос побеждает!

Гонители неистовствуют, предчувствуя свою близкую участь свиней, бросившихся в озеро Тивериадское. Наука развенчала их идола — материю. Она оказалась лишь видом энергии — начала Силы, Воли, Духа. Бесы злобы обезумели: мечутся от плана к плану, от физики к химии, все глубже толкая людей в трясину голода, нищеты, злобы, бесправия, разврата и пьянства. А простого выхода — доверия к человеку, предоставления ему свободы в построении жизни для себя и своих близких — не хотят видеть.

Но — жив Христос и по молитвам умученных отцов и матерей наших стучится в наши сердца. Заповедь Его

«да любите друг друга», мужественное исповедание верности Ему, бесстрашная проповедь Слова Его, постоянное молитвенное призывание Его помощи и деятельная помощь ближнему — искупят наш народ от цепей мракобесия безбожников и их неистовства.

Перекрестись, православный христианин, объедини вокруг себя верных сподвижников и во имя Господа Христа без страха вступай на путь Божией правды. Действуй!

БРАТСТВО ПРАВОСЛАВНОЙ МОЛОДЕЖИ».

До слуха верующего народа теперь доходят и проповеди Владыки Иоанна С.-Францисского, произносимые по «Голосу Америки». Об этом свидетельствуют не только многочисленные письма из России в адрес «Голоса Америки», но и атеистический журнал «Наука и религия»... Этот журнал в № 8 за 1964 г. и в № 4 за 1965 г. полемизирует с Владыкой с указанием «из выступлений современного богослова Иоанна Сан-Францисского»; это статьи — «Тайна знания или познание тайны» и «Непобедимый»... Этот ответ безбожников указывает, что народ слышит эти проповеди и безбожникам нужно на них отвечать!

Сами верующие иногда осмеливаются писать в журналы или газеты. Правда, их письма никогда целиком не приводятся, но в отрывках, и они указывают, что это явление редакциям невозможно «замолчать»... Так в прошлом году журнал «Наука и религия» № 7 поднял вопрос «о смысле жизни» и предложил читателям ответить на ряд вопросов... Среди многочисленных ответов были ответы и верующих, как сообщается в № 9, но приведены были не все эти ответы, а только несколько, и, конечно, только в отрывках. Так некий Калинин ответил: «Для меня смысл жизни в Боге, в Нем я имею все: и смысл, и счастье, и радость, и красоту жизни, в Нем я имею мир, которого у меня никто не отнимет и ни что не нарушит, в Нем я имею истинную радость, радость совершенную, радость не преходящую, но вечную. Я истинно счастлив. Всем этим я обязан только одному — Христу. Хотя я хорошо знаю, что вы моей статье не напечатаете потому, что вы боитесь правды. А это свидетельствует о вашей идеологической слабости. Значит, вы стоите на ложном пути и не имеете настоящего смысла жизни»...

Письмо это «напечатали», но чаще всего «письма верующих» не печатаются, а только о них указывается перед «безбожным ответом». Так, например, в № 7 за 1964 г. перед статьей — «Поговорим всерьез», редакция журнала «Наука и религия» указывает: «Два

больших письма прислал в журнал А. Никитин из г. Щелково (Московская область). В своих письмах он, защищая ортодоксальную церковную концепцию происхождения христианства, обвиняет атеистов в фальсификации данных истории, сокрытии важных исторических документов, недоброжелательном отношении к верующим. Редакция публикует развернутый ответ на эти письма»...

В номере 12 (1964 г.) был напечатан второй ответ верующего на «разговор о смысле жизни». П. Новиков из Ярославля пишет: «Смысл жизни покоится в Творце всего видимого и невидимого, Создателе и Промыслителе человека — Боге... А счастье — в служении ближнему. Это отраднo и спасительно — в общем, быть христианином по жизни, а не по названию.

В чем счастье — в жизненном пути,
Куда твой долг велит идти.
Врагов не знать, преград не мерить,
Надеяться, любить и верить.

Лучше не скажешь. Вера в Бога, надежда на милость Божию и христианская любовь к ближнему — вот основа жизни, в этом заключено все необходимое для преуспевания»...

В том же номере «Наука и религия» помещен ответ А. Михайлова из г. Челябинска, который отвечает на вопрос: «Если Вы счастливы, то чему Вы этим обязаны!»

«Все мое счастье заключается в том, что я обрел смысл жизни, осознал свое предназначение и осмыслил свое существование — словом, нашел себя в пространстве. Это дало мне возможность избрать свой собственный путь в жизни, следуя которым я выполняю свою миссию, как особи вселенной, которая вечна, и как член человеческого общества, сознательно вкладывая свой труд и искреннее стремление способствовать имеющимся у меня средствами счастьем людей.

Кому я обязан своим счастьем? Прежде всего родителям, которые, как говорится, «и личным примером, и показом» воспитали меня в духе нравственном, приучили меня к трудолюбию, любознательности, к пониманию чувства долга и ответственности за свои поступки, вдохнули в меня патриотизм, любовь к своему народу и все те добродетели, которыми они обладали сами, чем и вызвали с моей стороны глубокое сыновнее почитание их...

Много, очень много обязан я Православной Церкви за то, что она мне открыла свeтильник веры и истинной возвышенной любви, научила вниканию в самого себя, сдерживанию страстей,

укреплению духа, познанию добра, сознательной жертвенности и милосердию, прощению обид и погашению в себе самого большого зла (как начала всех бед) — чувства ненависти»...

Просматривая «Журнал Московской Патриархии» — кое-что улавливаешь из жизни самой Церкви. Для этого особенно интересно знакомиться с архиерейскими хиротониями. При наречении во епископа кандидат должен сказать свою речь, в которой он исповедует свою веру, указывает «как и в чем» он видит свое «высокое служение» Церкви, приносит благодарность воспитавшим его в Православии. После хиротонии предстоятель, старший из архиереев, совершавших хиротонию, при вручении жезла новопоставленному епископу говорит ему слово-наставление. С некоторого времени «Журнал Московской Патриархии» регулярно помещает эти речи и дает краткую биографию новопоставленного епископа. И здесь мы имеем богатый материал «духовного состояния» теперешнего епископата Русской Православной Церкви в Сов. Союзе.

Я просмотрел все хиротонии, которые были совершены с 1960 года по сегодняшний день. Вот краткая статистика. За этот период было хиротонисовано 30 епископов (из всего числа 71 епископа Русской Церкви). Из них 16 епископов, родившихся после 1920 года, т. е. родившихся и воспитавшихся при советской власти. Необходимо отметить, что все эти новопоставленные епископы закончили Московскую или Ленинградскую Духовную Академию. Радостно сознавать, что Святейший Патриарх Московский и всея Руси и Священный Синод Русской Православной Церкви требуют от кандидатов во епископы высшего богословского духовного образования.

Невольно возникает вопрос: откуда берутся эти молодые люди? На это нам отвечает «Письмо из России», помещенное в «Вестнике» Р.С.Х.Д. № 75-76: «Откуда же берутся эти молодые люди (в письме говорится вообще о духовенстве, а не только о епископах), которым предстоит в ближайшие годы принять на себя всю полноту ответственности за будущее Церкви? Прямо можно сказать, что, там, где это избрание пути — не веление корысти или карьеры (политической), там главная роль принадлежит воспитанию матери или бабки — так, как это было и в первые века христианства. Или же это люди, нашедшие Бога и Христа на фронтах отечественной войны или в сталинских концлагерях, смотревшие смерти в глаза»...

Ниже я привожу из речей при наречении во епископа слова, которые указывают на воспитание в Православии.

«...Из лет раннего отрочества в моей памяти запечатлелся прекрасный сельский приходской храм, где сердце озарялось радостью в порывах детской молитвы. Вспоминается тихий домашний уют, где благочестивый родитель (крестьянин — прим. Е. С.)ставлял меня и старшего брата в начальных истинах веры.

Прекрасные мечты отроческого и юношеского уединения: благолепие Дома Божия пленяло мой ум, радовало сердце. Прислуживание священнику в алтаре для меня было высоким счастьем... Минули годы отрочества и юности... Засветилась лампада московских духовных школ, и я пришел сюда, под сень преп. Сергия, получить богословские знания для служения Церкви Христовой.

Исповедую немощь мою, что в годы моего пастырского служения (в 23 года священник. — Е. С.) я нередко изнемогал в скорбные дни моей личной жизни, но Господь подкреплял меня и вел своими неисповедимыми путями, то смиряя, то возвышая. С пастырского поприща пришел я вторично в высший вертоград богословской науки — Московскую Духовную Академию и стал в славную дружину учеников преп. Сергия, восприняв образ иноческого жития.

И теперь, в этот священный час, трепетно стоя пред сонмом архипастырей, окинув мысленным взором минувшие дни и лета моей жизни, вижу свои грехи и только немощами своими могу хвалиться...»

«...С юных лет я посвятил себя служению Богу; как «елень стремится на источники водные», так и душа моя с детских лет стремилась к Богу. С ранних лет я воспринял обеты монашества (21 года. — Е. С.) и смиренно нес свое скромное послушание в одном из монастырей. Большим утешением для меня является то, что в последние годы я находился под кровом великого аввы Сергия. Здесь я всегда насыщался от сладостной трапезы богословских наук, бесед, молитв и наставлений. За этот прекрасный отрезок моей жизни много полезного я получил для своей души, много духовного утешения и тихой, неземной радости, понятной только инокам. И вот передо мною новый и великий путь... Я никогда не мог и помышлять об этом, потому что считал себя недостойным такого призвания. Множество беспокойных мыслей и волнующих чувств обуревают теперь мою смятенную душу, уstraшенную предстоящим мне новым, высоким и трудным служением Церкви Христовой...»

«...Непрестанное действие Божественного Промысла я испытывал на себе с юных лет. Промысл Божий сохранил мою жизнь

в годы Великой Отечественной войны, когда Господь трижды отвел направленное в мою грудь смертельное немецкое оружие. Промысл Божий подвинул мое сердце на поступление в монастырь и пострижение в монашество в двадцатилетнем возрасте. Промыслом Божиим я принял двадцать один год тому назад сан иеродиакона, а затем — иеромонаха... Обители Сергиевой принадлежали все мои помыслы, все сердце, все силы. Здесь, в возлюбленной келлии Лавры преп. Сергия — Московской Духовной Академии — мечтал я продолжать начатые богословские труды. Здесь, под покровом Преподобного, мыслил оставаться и до конца жизни, не ожидая ни наград, ни почестей, ни высшего сана... Вот почему я дерзнул подать на имя Вашего Святейшества прошение о том, чтобы миновала меня чаша архиерейства.

И теперь Промысл Божий посылает меня на новое место церковного подвига, столь высокое и столь неизмеримо ответственное, что я еще с большей силой ощущаю свое недостойнство и полную неготовность к принятию архиерейской благодати...»

«...С детства я воспитан в религиозной семье, где на меня влияла добрая родительница, которая и сейчас, пребывая в иночестве, являет мне добрый духовный пример. С юношеских лет я постепенно привыкал к церковной жизни, участвуя в богослужении чтецом, певчим, прислуживая в алтаре. По принятии иноческого пострига (в 20 лет — Е. С.) я приобщился к священному клиру.

Будучи «младенцем» в своих богословских познаниях и желая возрастить и умножить их, я пришел в «горницу» раздаяния этих духовных познаний — в Московскую Духовную Академию, где под покровом славного небесного покровителя преп. Сергия, игумена Радонежского, Чудотворца, проходил обучение. Здесь, чрез преподаваемую науку, я слышал голос нашего Пастыреначальника, учащий, как надо жить, чтобы быть Его последователем. Здесь я еще больше узнал всю высоту и ответственность того служения, на путь которого уже стал.

По окончании духовного образования я проходил служение пастыря, а затем учителя тех, кто готовится к церковному поприщу. Ныне Промысл Божий, который охраняет и направляет ко благу каждого человека, призывает меня к горному служению и сподобляет меня, многогрешного, великой епископской благодати...»

«...С юных лет в моем сердце была любовь к храму Божьему, и в глубине своей души я слышал голос, зовущий меня: «Иди по Мне» (Лк. 5, 27). В юные годы я любил прислуживать при богослужениях, а затем, по получении богословского образования и

принятия благодати священства (в 21 год — Е. С.), в течение одиннадцати лет проходил пастырское служение, черпая силы для его прохождения в молитве и в укрепляющей силе Божественной благодати, которая «немогущая врачует и оскудевающее восполняет». Теперь мне предстоит еще более трудный подвиг в сане епископа...»

«...Церковь растила и воспитывала меня... В течение нескольких столетий мои предки служили у Престола Божия. Я, как они, хотел быть священником и в своем призвании не могу не видеть проявления особой милости Божией. Здесь, Святейший Владыко, 19 лет назад я впервые получил Ваше благословение (18 лет на иподиаконство — Е. С.), и с того времени Вы провели меня по всем ступеням послушаний от ученика до наставника духовной школы, от церковного служителя до совершителя Божественных таин. Вы были для меня благостным и строгим отцом и богомудрым детоводителем, наставляя благодатным словом и высоким примером, «как должно поступать в доме Божиим, который есть Церковь» (I Тим. 3, 15). И теперь, призывая меня к епископству, Вы как бы в третий раз вопрошаете меня, а я, вспоминая, как с радостью воспринимал от Вашей руки благодать священства, как легко и радостно вступил на путь иночества... и предаваясь на волю Божию во всецелом послушании Вашему Святейшеству, я третий раз отвечаю Призывавшему: «Ты вся веси!» (Ин. 21, 17). Ты Сам испытал меня и знаешь мои дела...»

«...Хотя я и родился в простой крестьянской семье и с детских лет воспитывался благочестивыми родителями в духе христианской веры; хотя от юности стремился к иноческой жизни и посещал вместе с матерью монастыри и обители; хотя семилетним мальчиком, в Пасхальную ночь, я впервые надел стихарь и с тех пор неотступно нахожусь при Церкви, но все же, по слову Апостола, могу похвалиться лишь только немощами и недостатками. За свою жизнь, как и каждый христианин, я испытал и пережил много скорбей и радостей, много раз впадал в грех, затем каюсь и исправлялся, но никогда не отступал от Бога и Его Святой Церкви!..»

Вот свидетельства о воспитании, о юношеских годах, о влиянии благочестивых родителей, о значении христианской семьи в период гонений на Церковь!.. Нам становится понятным: почему современные коммунистические власти так строго «запрещают посещение детьми храмов Божиих», почему преследуют родителей за религиозное воспитание детей...

Как и в чем видят свое будущее епископское служение «нареченные во епископов»... Здесь я привожу выдержки из речей только

молодых кандидатов во епископы, родившихся и воспитавшихся при советской власти.

«...Отныне обязан я, по слову ап. Павла, внимать себе и всему стаду, в котором Дух Святой поставляет нас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога (Деян. 20, 28).

Епископское служение налагает ответственность перед Богом и верующими, перед Церковью и Родиной. Поэтому я вполне сознаю, что омофор епископа нелегко. Но я верю, что Тот, Кто сказал: «Я с вами во вся дни до скончания века», наш Небесный Пастыреначальник, дает нам «Божественную благодать, всегда немощная врачующую и оскудевающая восполняющую», которая укрепляет немощные силы человеческие для несения многотрудного служения Его Святой Церкви»...

«...Служение епископское тяжело и ответственно. Епископу, по слову пророка, надлежит потерявшуюся и угнанную овцу вернуть, пораненную перевязать, больную укрепить, буйную истребить из стада (Иезек. 34, 16). Епископ должен помнить, что от его рук взыщется кровь беззаконника, умершего в беззаконии своем, если он не будет вразумлять и остерегать его от пути его (Иезек. 3, 13).

Епископ в своем служении должен уподобиться великому в апостолах Павлу, который сказал: «бых немощным, яко немощен, да немощные приобретаю. Всем бых вся, да всяко некия спасу» (I Кор. 9, 22).

Епископу, как служителю Божию, — а Бог наш есть любовь (I Ин. 4, 16), — подобает иметь сердце, исполненное ко всем той любовью, которая долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется только истине (I Кор. 13, 4-6)»...

«...Епископское служение — служение высокое, почетное, ответственное, полное скорбей и трудностей. Оно, говоря словами св. Григория Богослова, «завидная и опасная высота».

Для епископского служения необходимы мудрость и тактичность в осуществлении тех или других церковных мероприятий, которые необходимо провести в жизнь...»

«...Быть епископом — значит жить жизнью паствы, скорбеть и радоваться с нею... Епископ архиерейским жезлом, как символом власти, может водворить лишь внешний порядок, но Царствие Божие в сердцах пасомых можно насадить только самоотвержением и самоуничижением, молитвами и слезами, духовным подвигом и

постоянным распятием себя ради пасомых. В обязанность епископа входит не только проповедывать Царствие Божие, но и делать все возможное для устройства его на земле, ибо оно начинается здесь, а простирается до небес, начинается во времени, а простирается в вечность... Если говорить образно, то епископское служение подобно розам, на которых, кроме красивых цветов с приятным запахом и листьев, скрываются шипы. И в жизни епископа среди духовных радостей бывают скорби и печали. Но взявшийся «за рало» не должен озираться вспять, иначе он не будет «управлен в Царствии Божии...»

«...Епископское служение — это жребий апостольский. Епископ — соратник апостолов и верный строитель Церкви (I Кор. 4, 2; Тит. 1, 7) «хранящий таинство веры в чистой совести».

Епископ — архиерей, дающий ответ пред Богом за все происходящее в Церкви и приносящий без гнева и сомнения молитвы Богу «о своих грехах и людском неведении». О спасении людей, о благосостоянии Церкви, о мире всего мира и о соединении всех приносит епископ мирную жертву пред Престолом Божиим. Епископ, постоянно трезвясь, хранит в душе своей глубокий и неотъемлемый мир, так как только в мирном духе, как в дыхании тихого ветра, ему открывается Бог...»

«...Служение епископское есть самое высочайшее служение в Церкви. Через епископа Господь подает Церкви Свою освятительную благодать. Как же должен быть чист по жизни тот, кто дерзает приблизиться к служению архиерейскому! Архиерей должен быть «святой, непричастный злу, непорочный, отделенный от грешников» (Евр. 7, 26)... Так же знаю и исповедую, что архиерейское служение есть путь спасительного подвига по образу Вечного Первосвященника Господа нашего Иисуса Христа для продолжения апостольского дела... Я смотрю на служение епископское, как на тернистый и скорбный путь служения «ангела Церкви» (Апок. 2, 1), который как кормчий должен умело вести церковный корабль, дабы вверенные ему пасомые, пройдя чрез бурное житейское море, безмятежно достигли бы пристани вечной жизни. Епископ призывается быть добрым пастырем, готовым положить душу за своих овец (Ин. 10, 11)»...

«...Быть архипастырем — значит переживать за все болезни паствы, нести ее немощь с единственной целью послужить ее спасению, умереть, чтобы она была жива. Истинный пастырь должен ежедневно «душу свою полагать за овцы», отречься от себя, от своих привычек и удобств, от своего самолюбия, он готов пожерт-

воватъ самой жизнью и даже душой своей ради Церкви Христовой, ради духовнаго благополучия словеснаго стада. Высшій примеръ пастырства я вижу в Господе нашемъ Иисусе Христѣ, Который оставилъ Свою Божественную славу и ангельскіе ликостоянія, пришелъ на землю «в образѣ раба», послужилъ намъ и спасъ насъ. Таково «служение примиренія», те высокіе полномочія, которые нынѣ мнѣ вѣряются...»

Собрание речей при нареченіи и слова приветствій могли бы быть хорошимъ пособіемъ по «Пастырскому Богословію». Я хочу остановиться еще на несколькихъ приветственныхъ речахъ новопоставленнымъ епископамъ, которые произнесены Святейшимъ Патриархомъ Московскимъ и всея Руси Алексіемъ. В этихъ речахъ чувствуется долготный архипастырскій опытъ, и опытъ страшныхъ летъ для Православной Церкви. Много любви и заботы о пастыряхъ, о пасомыхъ. Боль и забота о Церкви. Признательность верующему народу. Патриархъ Алексій, обращаясь или говоря о верующемъ народѣ, всегда употребляетъ выраженія: «люди Божіи», «народъ Божій», «народъ Господень», «Наши сополитвенники и усердные люди Божіи».

В своихъ приветственныхъ речахъ новопоставленнымъ епископамъ Патриархъ говоритъ:

«...Епископское служение — это подвигъ, это — непрерывное попеченіе о спасеніи вверенныхъ пасомыхъ, непрестанная борьба съ лжеученіями и со всякими уклоненіями отъ чина церковнаго, всегдашнее хожденіе предъ Богомъ в духѣ молитвы, постоянное углубленіе в разумъ слова Божія...»

«...Если же будешь искать приятностей жизни, пищи самолюбію и честолюбію, и ради временнаго благополучія приспособляться и приобщаться къ суетнымъ обычаямъ, мнѣніямъ и правиламъ міра сего и вознерадишь о славе Божіей и о спасеніи вверенныхъ твоему водителству душъ христіанскихъ, — тогда судъ Церкви, въ знаменіе праведнаго суда Божія, изречетъ о тебѣ, что не былъ ты «отъ семени мужей оныхъ, имиже дадеся спасеніе», и миръ, и утвержденіе Церкви (Маккав. 5,62)...»

«...Первое всего, возлюбленный братъ, да будетъ жизнь твоя чиста и непреткновенна, да будешь «образъ вернымъ» не только словомъ, но и житіемъ, любовію, верою и чистотою. Въ трудѣ и бденіи, въ постѣ и молитвѣ, въ правдѣ и святынѣ, въ терпѣніи мнозе и въ любви нелицемерной да совершается твое служеніе спасенію чадъ Божіихъ, жаждущихъ видѣть въ пастыряхъ Церкви Христовой примеръ подвижничества, образецъ веры, благоговѣнія къ святынѣ, безукоризненности поведенія.

Никогда не забывай «возгревать даръ Божій, живущій въ тебѣ» (2 Тим. 1,6) усиленной молитвой, особенно при совершеніи Божественныхъ службъ и въ келліи, неустаннымъ поученіемъ себя въ чтеніи Слова Божія и писаній богодухновенныхъ отцовъ и благочестивыхъ учителей Церкви...»

«...Не сомневаемся, возлюбленный братъ, что, давъ предъ лицомъ Церкви обеты монашескіе, а нынѣ принявъ жребій служенія епископскаго, ты не будешь дорожить собственнымъ покоемъ, а темъ болѣе искать утехъ и выгодъ жизни, и не отречешься понести всякіе труды, скорби и испытанія, въ обилии лежащихъ на пути пастырскомъ, и что ты, болѣе чѣмъ когда-либо въ твоей пастырской жизни, одушевленъ стремленіемъ посвятить себя Богу «въ жертву живую, святую, благоугодную» Ему (Рим. 12, 1) и явиться предъ Господомъ «делателемъ непостыднымъ, право правящимъ слово истины (2 Тим. 2, 15)...»

Святейшій Патриархъ часто и много говоритъ «о скорбномъ епископскомъ пути», конечно, имея въ виду пастырскій подвигъ въ современной Россіи.

«...Св. Апостолъ Павелъ, въ назиданіе ученику своему Тимофею, призванному имъ къ епископству, говоритъ объ этомъ служеніи, какъ о подвигѣ и даже какъ о страданіи: «переноси, — говоритъ онъ, — страданія, какъ добрый воинъ Иисуса Христа» (2 Тим. 2, 3).»

Однако скорби и страданія не должны устрашить добраго воина Христова, ибо въ самомъ подвигѣ страданія, очищающемъ духъ нашъ, — залогъ техъ светлыхъ радостей, которые Господь обещалъ даровать вернымъ Своимъ рабамъ, и это чувство никто и ничто не можетъ отнять отъ нихъ...»

Святейшій Патриархъ въ своихъ приветственныхъ речахъ часто предостерегаетъ новопоставленныхъ епископовъ объ одномъ тяжеломъ положеніи...

«...Руки, — по завету св. апостола Павла, — скоро не возлагай ни на кого же» (1 Тим. 5,22), помня, что мы, приобщая избранныхъ нами лицъ къ священному лику участниковъ и совершителей Таинъ Божіихъ, несемъ отвѣтъ предъ Богомъ за ихъ дальнѣйшее поведеніе и служеніе.

Блюди строго святость служенія церковнаго и съ ревностью оберегай верныхъ чадъ Церкви отъ людей, вторгающихся въ ограду церковную не ради чистаго служенія Богу, а съ корыстными и иными греховными целями. Блюди, какъ бы тебѣ не сделаться участникомъ въ чужихъ грѣхахъ, храни себя чистымъ предъ Богомъ (1 Тим. 5,22)...»

«...Одной изъ главнѣйшихъ заботъ твоихъ будетъ избраніе и рукоположеніе клириковъ. Святой апостолъ Павелъ даетъ святому Тимофею

наставление об особой осторожности в избраниях: «руки скоро не возлагай ни на кого же» и прибавляет к сему убеждение в необходимости и важности этого наставления: «ниже приобщайся чужим грехом; себе чиста соблюдай» (I Тим. 5, 22).

Если, как бы говорит этим св. апостол, ты выбираешь на священную должность пастыря без строгого внимания, то может случиться, что выберешь недостойного — или мало сведущего в учении спасения, или порочного по жизни — и тогда могут последовать от него или невольные грехи неведения, или вольные грехи страстей и нечистых склонностей; а вследствие этого родится множество последующих грехов соблазна, который приходит с особенной силою чрез недостойных служителей святыни.

На эти разного рода чужие грехи с предостережением и указывает св. Павел Тимофею, а чрез него и всем последующим епископам Церкви Божией, значит и нам с тобою. Потому что за них ответственны не только те, которые их содевают, но и тот, кто скоро, неосмотрительно и необдуманно избирает и возводит недостойных служителей святыни и правды, которые потом оказываются делателями неправды и греха.

С каким вниманием и осторожностью надлежит нам употреблять власть избрания и освящения, которая с такой доверенностью дарована нам, епископам, Святою Церковью!

Нужно ли говорить, что в настоящее время с особым дерзованием некоторые лица стремятся проникнуть в ограду Церкви **с целями корыстными, неблагонамеренными, а то и предательскими**, и напоминать о том, что вся тяжесть грехов таких людей падает на главу тех, кто их неосторожно приобщил к служению святыни церковной!..»

Вручая архипастырский жезл новопоставленному епископу, Святейший Патриарх часто говорит: «прими сей жезл, как видимый знак твоего архипастырского служения, для указания пастве твоей верного пути ко спасению и для отражения от нее вражеских нападений, и да будет он также знаменем силы духовной, принятой тобою в великом таинстве...»

Святейший Патриарх предупреждает новопоставленных епископов от поспешного рукоположения во священники. «Некоторые лица стремятся проникнуть в ограду Церкви с целями корыстными, неблагонамеренными, а то и предательскими...» Но свободен ли Патриарх Московский в своих рукоположениях? Нет ли и здесь давления власти атеистической? Точных сведений мы не имеем. Но некоторые совершенные епископские хиротонии над

лицами заведомо недостойными и порочными, заставляют нас предполагать, что Патриарх и другие епископы Русской Церкви **не свободны** в этих действиях.

Из «Журнала Московской Патриархии» мы видим, что Русская Церковь продолжает «добровольно-принудительный курс» активно поддерживать советскую власть в ее внешней политике. Так в мартовском номере (№ 3) текущего года помещено «Заявление Патриарха Московского и всея Руси Алексия в связи с вооруженной интервенцией США против демократической республики Вьетнам»:

«Русская Православная Церковь глубоко огорчается трагическими сообщениями о бомбардировках и обстреле городов и сел Демократической Республики Вьетнам, производимых военной авиацией Соединенных Штатов Америки и Южного Вьетнама, и о многочисленных в результате этого жертвах среди мирного населения Северного Вьетнама.

Эти произвольные и бесчеловечные действия, как бы их ни пытались оправдать правительство США, находятся в вопиющем противоречии не только с элементарными нормами международного права, но и христианской морали, являются нарушением Женевских соглашений 1954 года по Вьетнаму и содержат в себе угрозу разрастания вооруженного конфликта и опасность для всеобщего мира...»

Вслед за Патриархом, часто выступает «в защиту мира» и митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен. В «Ж. М. П.» за июль (№ 7) сего года приведена речь Митрополита Пимена на Всесоюзной Конференции советской общественности за мир, национальную независимость и разоружение.

«...Русская Православная Церковь горячо поддерживает неизменно миролюбивый внешнеполитический курс Советского правительства, по достоинству получивший признание в самых широких кругах мировой общественности... Задачи, стоящие ныне перед борцами за мир в нашей стране, так же как и задачи, лежащие на плечах всех активных сторонников мира, к какому бы они народу ни принадлежали, на каком бы континенте они ни жили, во многом определяются современной международной обстановкой... Прежде всего это относится к трагической ситуации, которую породили в Юго-Восточной Азии военные действия Соединенных Штатов Америки против суверенного государства Демократической Республики Вьетнам, а также вмешательство США во внутренние дела Южного Вьетнама...»

Исключительно серьезный характер приняло в настоящее время развитие событий в Доминиканской Республике. И здесь причи-

ной осложнения обстановки явилось вооруженное вмешательство США во внутренние дела этой Республики...

Наша совесть не может молчать пред лицом страданий народов Анголы, Мозамбика, Южной Родезии и других стран, живущих в обстановке жестокого террора, противного человеческой природе, восстающей против любого расового или национального разделения и угнетения, противного Самому Творцу, создавшему человека по образу Своему и подобию (Быт. 1, 26)...

«Совесть русского епископата не может молчать пред лицом страданий» различных народов, не поработанных еще коммунизмом, но эта «совесть» молчит и будет молчать перед страданиями, жестокими страданиями своего родного народа, страданиями и гонениями других народов, поработанных коммунистическими диктатурами!

Но чаще всего и больше всего на политические темы, в защиту коммунистической агрессии, говорит по своей должности Председателя Отдела Внешних Церковных Сношений Митрополит Ленинградский и Ладужский Никодим. Этот русский иерарх, второе лицо после Патриарха в Московской Патриархии, по всей вероятности, являющийся одним из наиболее возможных кандидатов в Патриархи (да не допустит сего Господь!), является одной из загадочных фигур русского современного епископата. Интересно познакомиться с его биографией.

Родился Борис Ротов в 1929 году в дер. Фролово, Рязанской области. По окончании средней школы он поступил в Рязанский педагогический институт... Но его не закончил. В 1947 году — 18 лет пострижен в монашество и рукоположен в иеродиакона. В 1949 году рукоположен во иеромонаха. Состоя священником Ярославского Кафедрального Собора и секретарем архиепископа Ярославского и Ростовского с 1950 г. по 1955, заочно оканчивает Ленинградскую Духовную Семинарию и Духовную Академию. С 1955 г. по 1959 г. иеромонах, а затем архимандрит Никодим в Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (заграничная командировка). В 1959 г. назначается заместителем Председателя Отдела Внешних Церковных Сношений. Председателем был митрополит Николай Крутицкий и Коломенский, который вскоре, стараниями архим. Никодима, был «уволен по болезни», и председателем становится архим. Никодим с возведением в епископа Подольского. Функции Председателя Отдела Внешних Церковных Сношений определяются не только церковной властью, но главным образом гражданской властью. Эта должность очень важна для коммунистической дик-

татуры. На нее мог быть назначен человек только рекомендованный коммунистической властью.

В 1961 году епископ Никодим назначается епископом Ярославским и Ростовским, и вскоре возводится в сан архиепископа «во внимание к трудам по Отделу Внешних Церковных Сношений Московской Патриархии в должности Председателя Отдела» (Ж.М.П. № 7 — 1961). Награда, как видим, не за церковную деятельность, а за политическую, проводимую во внешнем мире по указке советской диктатуры. В 1963 г. возведен в сан Митрополита (34-х лет!) и назначен Председателем Комиссии Свящ. Синода по вопросам христианского единства. В августе 1963 г. назначается митрополитом Минским и Белорусским, а в октябре того же года — митрополитом Ленинградским и Ладужским...

Я не буду приводить здесь те речи, которые Митрополитом Никодимом произносятся в «защиту мира», или же во время его поездок за границей... Они по своему стилю и даже употреблению некоторых слов совершенно схожи с речами политическими Патриарха и других епископов. В них тот же «плач» о тяжести для людей капиталистической системы, все недоразумения в мире происходят из-за капиталистических государств, вмешиваются во внутренние дела других государств только США и связанные с ними государства, только американцы жаждут войны и убийств... Радость мирной жизни, свет и добро в коммунистических государствах! и тому подобные словеса.

Нас очень поразила «наивность» некоторых деятелей ИМКА, которые обратились к советскому правительству за разрешением выслать в Сов. Союз некоторое количество Библии!!! Неужели западному человеку до сих пор не известно — «что проповедь Слова Божия в странах коммунистических строго запрещена...» И получили в ответ, как и следовало ожидать: в Сов. Союзе религиозная пропаганда запрещена!

И еще — деятели Всемирного Экуменического Движения, заседавшие в Одессе, вынесли резолюцию: Экуменическое Движение признает «свободу атеистической пропаганды!» «Резолюция» эта не явилась помощью верующим в Сов. России! Когда же появится в Экуменическом Движении «резолюция», требующая предоставления свободы религиозной проповеди!?

Монреаль, 7 ноября 1965 г.

ГОЛОС ИЗ РОССИИ

ДОСТОЧТИМЫМ ОТЦАМ II ВАТИКАНСКОГО СОБОРА

Появившееся в Informations Catholiques Internationales (n° 249, 1 octobre 1965) послание русских верующих Отцам II Ватиканского Собора обратило на себя всеобщее внимание зрелостью и духовной высотой высказанных в нем мыслей. Приносим здесь нашу искреннюю благодарность редакции Informations Catholiques Internationales, любезно предоставившей в наше распоряжение подлинный текст этого обращения.

Редакция.

Богомудрые и превознесенные Отцы!

Преемник блаженной памяти Папы Иоанна XXIII, Святейший и великий Папа Павел VI в своей энциклике «Эклезиаем Суам» пишет: «...еще раз хотим мы дать заверение, что со вниманием и с религиозным интересом наблюдаем мы за явлениями, имеющими отношение к проблеме единства, касающимися личностей, групп и общин с живой и возвышенной религиозной жизнью. С любовью и уважением приветствуем мы всех христиан этих в ожидании возможности в диалоге искренности и любви быть в состоянии еще лучше продвинуть вместе с ними Дело Христово и дело единства, какого возжелал Он для Своей Церкви».

Отчетливо сознавая свое личное недостойство, мы не смеем претендовать на возвышенную религиозную жизнь, но, тем не менее, поощряемые торжественным заверением и ласковым приветствием самого Папы, мы смиренно надеемся, что Отцы Католической Церкви, движимые христианской любовью и глубоким желанием церковного единства, найдут в себе достаточно снисхождения, чтобы со вниманием прочесть и наше, хотя и неумелое, но глубоко искреннее письмо — попытку внести скромный вклад в то воистину великое дело любовного диалога, которое столь своевременно и великодушно начала Католическая Церковь.

Перечисляя в своей энциклике возможных собеседников Католической Церкви, Святейший Папа определяет некую внешнюю, хотя и ближайшую к Римской Церкви, окружность, которую он называет христианским миром, отделенным от Рима. В этом внешнем дворе христианства, наряду с протестантами, действительно некогда отпавшими от церковного Единства, Папа отводит место и св. Православной Церкви, которая, таким образом, вместе с лютеранами и кальвинистами исключается из внутренних покоев Дома Божия. При этом чадами Дома Божия признаются только члены Ка-

толической церкви, которую Святейший Папа вполне отождествляет с Церковью Единой, Святой, Соборной и Апостольской.

Мы совершенно уверены в искренности Святейшего Папы, мы бесконечно далеки от того, чтобы упрекать его в гордыне и властолюбии, мы глубоко чтим его и как верховного Предстоятеля Католической церкви и как возвышенную религиозную личность. Более того — мы его любим! Мы благодарны Святейшему Папе за то, что он, великодушно отвергнув дипломатические ухищрения, столь неуместные в диалоге любви, твердо и простодушно, как и подобает истинному христианину, засвидетельствовал свою веру. — Но при всем том мы не можем, не смеем и не должны с ним согласиться!

Возлюбленные и великие Отцы!

Не почитайте за дерзость если мы засвидетельствуем перед Вами, что никогда ни один православный христианин, подлинно вкусивший благодать Божию в ограде св. Православной Церкви, не посмеет согласиться с тем, что его Священная и возлюбленная Мать исключена из внутренних покоев Божьего Дома.

Тысячу лет Святая Православная Церковь неповрежденно и действенно хранит Священное Предание древней неразделенной Церкви, тысячу лет Православная Церковь выдерживает бурные натиски антихристианских сил, свидетельствуя перед всем миром Свою неодолимость «адовыми вратами», тысячу лет в Ее благодатных недрах Господь воздвигает и прославляет своих великих угодников.

Посудите сами: как можно согласиться с тем, что Святая Православная Церковь пребывает вне внутренних покоев Дома Божия, если Ее избранные чада предстоят ныне перед Престолом Величия на Небесах?

В этом вопросе не может быть никакого компромисса, ибо, по слову Спасителя, «не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые» (Мф. 7, 17-18). «Или признайте дерево хорошим и плод его хорошим; или признайте дерево худым и плод его худым; ибо дерево познается по плоду» (Мф. 13, 38).

Свято веруя в беспредельное милосердие Божие, мы не смеем сомневаться в том, что молитвами Божией Матери и всех святых, спасающая благодать Христа изливается и на тех братьев наших, которые действительно отделились от Церковного Единства и потому пребывают ныне во внешнем дворе христианства, но для нас так же несомненно и то, что благодать прославляющая почитает только на тех, кто неповрежденно стоит в Истине.

В самом деле: если бы милосердный Бог, повелевающий солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылающий дождь на праведных и неправедных (Мф. 5, 45), Бог без различия благотворяющий, — так же без различия прославлял бы, т. е. прославлял бы и тех, кто угодил Ему, служа Его Св. Имени во внутренних покоях Дома Божия, и тех, кто старается угодить Ему, пребывая, хотя бы и невольно, во внешнем дворе христианства, то каким образом можно было бы отличить Истину от заблуждения, и не произошло ли бы от такого безразличия пагубного смещения путей. — Да не будет!

Вековой опыт Церкви учит нас тому, что со времен земной жизни Господа нашего Иисуса Христа и до наших дней **прославленная святость** есть важнейшее и непреложнейшее свидетельство религиозной Истины, поэтому для определения католического достоинства Церковной общины решающее значение имеет Божественное прославление святых угодников.

В самом деле: если торжествующее Воскресение Господа нашего Иисуса Христа, равно как и преславное восхождение на небо Божией Матери всецело принадлежат всей совокупности Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви, являясь Ее величайшим и неоскудевающим достоянием и непреложным свидетельством Ее стояния в Истине, то Божественное прославление святых угодников, также имеющее универсальное значение и принадлежащее всей Церкви, в то же время сугубо принадлежит тем поместным общинам, в которых протекала их земная жизнь. Прославляя святого угодника, благодать Божия тем самым непреложно свидетельствует, что та Церковная Община, в которой он подвизался, по крайней мере во дни его земной жизни, подлинно стояла в составе Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви — пребывала во внутренних покоях Дома Божия.

Возлюбленные Отцы!

Около тысячи лет назад, Единая, Святая, Соборная, и Апостольская Церковь видимым образом разделилась на две половины — Западную и Восточную, Католическую и Православную. С тех пор всякий раз, когда мы обращаемся к проблеме Церковного Единства, мы сталкиваемся лицом к лицу с великой и таинственной антиномией — мы веруем, что Церковь Едина, и мы видим, что Церковь разделена.

Пытаясь найти выход из этого видимого противоречия, Богословская мысль легко (увы! — слишком легко!) становится на позиции конфессиональной исключительности. За долгие годы разделения ученые богословы Западной и Восточной Церкви собрали

множество аргументов и контр-аргументов, пытаюсь убедить друг друга в том, что только та Церковь, к которой они соответственно принадлежат, и есть Церковь Единая, Святая, Соборная и Апостольская, а противная сторона есть не более как схизматическая община, отделившаяся от Церковного Единства. Горы книг написаны о Церковном расколе, детально изучена его история, определены и взвешены догматические, канонические и культовые расхождения, четко выработана конфессиональная апологетика. Каждому богословски образованному человеку все это хорошо известно. И тем не менее, несмотря на достаточно продолжительную и напряженную полемику, которая периодически расширялась до таких значительных по своему масштабу событий, как Флорентийская уния, ни Католическим, ни Православным богословам так и не удалось убедить друг друга.

В чем же дело? Не намекает ли полная безрезультатность конфессиональной полемики на то, что сама проблема была поставлена неверно?

В самом деле, как можно убедить католиков или православных в том, что соответственно Западная или Восточная Церковь пребывает вне внутренних покоев Дома Божия, если и те и другие, сохраняя Апостольское Преемство и живые традиции неразделенной Церкви, сверх того не могут не усматривать несомненного Божественного свидетельства своего стояния в Истине, в целых сонмах Прославленных Святых! И если святые угодники Западной и Восточной Церкви, просиявшие после церковного разделения, действительно предстанут вместе перед Престолом Божиим на Небесах, то не оказываемся ли мы здесь на земле в странном положении, когда пытаемся утвердить свои конфессиональные переговоры, неосновательно исключая друг друга из состава Единой Церкви?

Не пора ли всем нам понять, что старинные униальные надежды на **присоединение** Православной Церкви к Риму, равно как и надежды на **присоединение** Католической Церкви к Восточному Православию лишены достаточного основания, ибо для этого Православная или Католическая Церковь, Та или Другая, должна была бы признать Себя пребывающей в тысячелетней схизме, что, по-видимому, невозможно именно потому, что не соответствует действительности?

И не следует ли из этого, что осуществление «сияющего идеала целостного христианства, смиренно и глубинно переживаемого», о котором пишет Святейший Папа, надо искать не на старых и, по-видимому, бесплодных путях конфессиональных споров, а на

новом пути радостного и любовного **соединения** двух равнозначных и равночестных половин существовавшей Единой и Мистически Нераздельной Христовой Церкви?

Не для того ли Премудрый Бог, по слову Св. Апостола Павла, «всех заключивший в непослушание, дабы всех помиловать» (Рим. 11,32), попустил видимое разделение Единой Вселенской Церкви, чтобы две ее половины — Западная и Восточная, Католическая и Православная, пройдя великий и необходимый для созревания искус частной самостоятельности и вполне раскрыв свои самобытные конфессиональные начала, осознали наконец их отвлеченную недостаточность, почувствовав и глубокую жизненную потребность друг в друге и, возжелав подлинной вселенской полноты, царственно обогащенные необъятным опытом тысячелетних исканий, в едином порыве устремились к Вселенскому Единству — «...доколе все придем в соединение веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова» (Еф. 4, 13).

Наконец: не находится ли грядущее Соединение Церквей в прямой зависимости от того конечного углубления Церковного самосознания, в котором должен открыться верховный Замысел Божественной Премудрости о Церкви и Церковном Единстве — Замысел, в котором всеутоляющий синтез дивно разрешает тысячелетнюю антиномию, примиряя видимое разделение Запада и Востока с мистическим Единством Вселенской Церкви? — Ибо, когда достойным из нас дано будет увидеть Небо отверстым и святых угодников Западной и Восточной Церкви, в согласном соборе предстоящих Престолу Величия на небесах и едиными устами вместе с Пресвятой Владычицей Запада и Востока возносящих Богу свои молитвы о Восполнении Церковного Единства на земле, как и на небе, тогда озаренные умы наши и расширенные сердца в светлом порыве любви и понимания с радостью примут в себя друг друга, хваля и воспевая Бога.

Возлюбленные и досточтимые Отцы!

Мы ни в коем случае не хотим сказать этим, что восполнение Церковного Единства может быть осуществлено через нарушение правильной канонической ограды и пренебрежение Церковной дисциплиной — Боже, упаси нас от такой неосмотрительности! — Мы только хотим сказать, что дело Церковного Единства есть дело не столь Церковно-каноническое, сколь духовно-религиозное; когда же Божественное вдохновение вполне обратит наши сердца друг ко другу, Церковная Полнота без труда найдет те правильные канонические нормы, в которые видимым образом отольется существовавшее и восполнившееся Единство.

Некий человек, долгие годы томившийся проблемой Соединения Церквей, молил Бога, чтобы Господь вразумил его... и, помолившись, нашел в сердце своем такой ответ:

Тайна соединения Церквей в Боге.

Углубляйте познание и расширяйте сердце.

Не в словопрениях, а в огне духовном расплавятся исторические средостения; не в ученых спорах, а в таинственном откровении Премудрости воссияет священное Единство; не человеческими усилиями, а Божественным Вдохновением произойдет соединение Церквей!

Но не без участия человека совершается на земле Божественное дело. Просветленное самосознание, внимательное и сочувственное изучение друг друга, расширение связей, доброжелательность, дружеское общение и, наконец, сердечная любовь и совместная молитва о Церковном единстве — вот, те воистину добрые дела, которыми Христиане Западной и Восточной Церкви могут активно способствовать грядущему Объединению, творчески подготавливая человеческую сторону Церковного бытия к восприятию Божественного вдохновения.

Возлюбленные Отцы!

Если мы плохо — слишком плохо! — выразили в слове то, что приоткрывается нам в духовных перспективах, то не посетуйте на наше косноязычие. Еще многое хотелось бы сказать нам о нашем столь возвышенном и прекрасном предмете — проблеме соединения Церквей, но мы вынуждены кончать, ибо малейшее промедление может лишить нас столь неожиданно представленной нам возможности отправить Вам это письмо. Мы бесконечно благодарны Господу нашему Иисусу Христу за столь великую радость и совершенно не заслуженную честь, и с надеждой вверяем Его промыслительному попечению наши строки.

Заканчивая письмо, мы хотим привести древний текст Священного Писания, в котором видится нам сладостное пророчество о грядущем соединении Церквей.

«И было ко мне слово Господне: ты же, сын человеческий, возьми себе один жезл и напиши на нем: «Иуде и сынам Израилевым, союзным с ним»; и еще возьми жезл и напиши на нем: «Иосифу»; это — жезл Ефрема и всего дома Израилева, союзного с ним.

И сложи их у себя один с другим в один жезл, чтобы они в руке твоей были одно.

И когда спросят у тебя сыны народа твоего: «не объ-

яснишь ли нам, что это у тебя?», тогда скажи им: так говорит Господь Бог: вот, Я возьму жезл Иосифов, который в руке Ефрема и союзных с ним колен Израилевых, и приложу их к нему, к жезлу Иуды, и сделаю их одним жезлом, и будут одно в руке Моей.

Когда же оба жезла, на которых ты напишешь, будут в руке твоей пред глазами их, то скажи им: так говорит Господь Бог: вот, Я возьму сынов Израилевых из среды народов, между которыми они находятся, и соберу их отовсюду и приведу их в землю их.

На этой земле, на горах Израиля Я сделаю их одним народом, и один Царь будет царем у всех их, и не будут более двумя народами и уже не будут вперед разделяться на два царства.

И не будут уже осквернять себя идолами своими и мерзостями своими и всякими пороками своими, и освобожу их из всех мест жительства их, где они грешили, и очищу их, — и будут Моим народом, и Я буду их Богом.

А раб Мой Давид будет Царем над ними и Пастырем всех их, и они будут ходить в заповедях Моих и уставы Мои будут соблюдать и выполнять их. И будут жить на земле, которую Я дал рабу Моему Иакову, на которой жили отцы их; там будут жить они и дети их и дети детей их во-веки; и раб Мой Давид будет князем у них вечно.

И заключу с ними завет мира, завет вечный будет с ними. И устрою их и размножу их и поставлю среди них святилище Мое на-веки.»

(Иезекииль 37, 15-26).

Если древний Израиль, как это принято считать всеми Церковными толкователями Священного Писания, есть прообраз Христовой Церкви, то историческое разделение Израиля на два царства может быть понято как прообраз промыслительно попущенного разделения Единой Церкви на две половины — Западную и Восточную, Католическую и Православную, а пророчество о соединении Иудейского и Израильского царства как Величественное Пророчество грядущего Соединения Церквей.

Этим пророчеством позвольте нам закончить наше письмо.

С искренним уважением, с глубокой любовью, с чувством все-ленской связи

Смиренный христианин русской Православной Церкви.

БЛАГОПОЛУЧИЕ И СУДЬБА РОССИИ (1)

Вопрос о совместимости благополучия и христианства обыкновенно рассматривается лишь в личном разрезе; мне же хочется обратить прежде всего внимание на историческую сторону вопроса, не менее существенную и не менее противоречивую.

Если благополучие неприемлемо для христианина, то это не только в силу евангельского учения о бедности, но хотя бы по той простой причине, что оно является уделом немногих. 2/3 населения земного шара живет впроголодь: этого достаточно, чтобы наша совесть не мирилась с выпавшим на нашу долю благополучием, даже если мы должны нести это благополучие и не видим возможности его разделить с другими. Но если мы всмотримся в географическое распределение благополучия, то мы сразу же увидим, что оно, в значительной мере, совпадает с границами христианского мира. Исторически не подлежит сомнению, что в большинстве случаев христианство явилось социально-экономическим стимулом, приведшим ряд стран к материальному расцвету и благополучию.

Но в том же историческом плане, мы наблюдаем, в христианской семье народов и, в частности, в том, что касается России, факт противоположный первому: я здесь говорю о некоей **тайной несовместимости** между Россией и благополучием. Россия страна необозримых богатств, мало населенная, — по природе — как будто предрасположенная к благополучию. С самого своего образования Россия — страна христианская, с тем же стимулом к прогрессу, как и другие европейские державы. И все же нечто таинственное вело и ведет Россию иным путем, тернистым и трудным...

С более глубоким созерцанием и истолкованием этой тайны обратимся к русской поэзии. Возьмем хотя бы Тютчевское:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,

(1) Запись выступления на дискуссии, устроенной Р.С.Х.Д. на осеннем Съезде 10 ноября 1965 года.

В рабском виде, Царь небесный
Исходил, благословляя...

Как это не похоже на мудрость века сего: нищета России не позор и не клеймо, а знак особого избранничества, особой близости ко Христу.

Тот же мотив, но выраженный более романтически, прозвучал и у Блока:

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые
Как слезы первые любви.

Тебя жалеть я не умею...

Нищая, серая, скудная Россия у Тютчева, у Блока не вызывает человеческой жалости, а какое-то высшее чувство святого умиления...

У Блока, правда, видение двоится. Он свидетель бурного, всестороннего экономического роста России. Перед войной 1914 года ему мерещится другой лик России, иные, не ветровые уже, а «каменные» песни.

Новым ты обернулась мне ликом
И другая волнует мечта.

То над степью пустой загорелась
Мне Америки новой звезда...

«Убогой, финской Руси» не суждено было стать Новой Америкой... Как раз когда страна, может быть, впервые после татарского нашествия, победно выходит на путь благополучия, какая-то роковая сила остановила ее и повернула в другое русло.

Поддалась лихоту подговору
Отдалась разбойнику и вору.

И пошла поруганной и нищей
И рабой последнего раба.

(М. Волошин).

Но и тут, несмотря на падение, поэт не смеет бросить камень в «гулящую и хмельную», а прозревает в несчастье опять-таки высшее назначение: «Во Христе — юродивая Русь». Казалось бы Россия отдалась тому, кто обещал ей не небесный рай, а земное благо. Но обернулась эта измена не изобилием, а невиданным разорением, страданием и опустошением.

И перекликаясь с поэтами, современный под-советский писатель, размышляя над разоренной Россией 1960 года, пишет: «Кажется, Россия всегда будет несчастной страной. Даже если она перестанет жить в нищете, она будет несчастной... Как найти объяснение этому несчастью? Конечно не в одном только коммунизме. В России, несчастье — почти что национальная особенность...» (1).

Но подсоветскому писателю трудно понять духовный смысл «несчастной России»; он только констатирует факт, ставит вопрос, недоумевает... Зато французскому писателю Бернаносу удалось в своем романе «Сельский священник» с поразительной верностью понять в нищете и несчастье России то, что открылось Тютчеву — знак Божьего избранничества: «национальную особенность» он дерзает назвать «всенародной святостью».

Как-то «сельскому священнику» удалось прочесть «Детство» Горького и вот какое он вынес впечатление (нет сомнения, что устами священника говорит сам Бернанос):

«Я представляю себе, что русский народ был нищим народом, племенем нищих, что он познал опьянение от нищеты, был ею одержим. Если бы Церковь могла причислить к лику святых целый народ, то, избрав русский народ, она сделала бы его покровителем нищеты, особым заступником всех обездоленных.

Я полагаю, что та нищета, которая даже забыла свое имя, которая уже не ищет, не размышляет... должна когда-нибудь очнуться на плече у Христа».

Итак, перед нами своеобразная историософская антиномия: два неоспоримых, но и противоречивых факта. С одной стороны: христианство — стимул к благополучию, почти неизбежно его порождающее, с другой, нищета — особое христианское призвание, особая близость к Христу. Но в сущности, та же антиномия предстает перед нами и в личной жизни. Христианство одновременно постулирует утверждение личности и ее самоограничение. Христианство признает реальность мира и, будучи религией жизни, призывает работать над миром, преобразовать и одухотворять его; потому оно и является таким мощным стимулом к прогрессу, таким исклю-

(1) «Русская Мысль».

чительным ускорителем истории. Но одновременно, в высшем плане, христианство требует самоотречения и отказа, не во имя смерти и истребления, а во имя бóльшей жизненности, во имя воскресения.

И тут к сказанному о России, нужно ввести существенный корректив. Если взор поэта или писателя и прозревает над трагической судьбой России некое избранничество, это отнюдь не значит, что мы имеем право — в историческом плане — мириться с ее нищетой, и скрестить руки. Наоборот, все усилия должны быть направлены на облегчение участи обездоленных, на строение здоровой государственности и благополучного общества.

Социальное учение христианства динамично и антиномично. Оно колеблется между двумя призывами, которые оба представлены как условия небесного царства: «раздать имение» (Мф. XIX:21), «накормить голодающего» (Мф. XXV: 34-36).

Благополучие само по себе не есть грех, в каком-то смысле и до известной степени, оно является благословением. Но в нашем мире, предназначенном для бóльшего, оно не может быть конечной целью, ибо ведет тогда к духовной смерти. И бедность, как добровольный отказ от благополучия или посланное Богом испытание, есть необходимый момент духовного возрастания и конечного преобразования. Она больше чем благословение, она таинство и посвящение, в каком-то смысле — сама святость.

Святая Русь, может быть, поэтому более всего свята, что на ее долю выпало тяжкое испытание нищеты и несчастья. Но мы можем и должны надеяться, что Господь возвратит «потерю» России и благословит «последние дни» ее «более нежели первые» (Иов., XVII: 12).

Свящ. К. ФОТИЕВ

XII ВНЕОЧЕРЕДНОЙ СОБОР АМЕРИКАНСКОЙ МИТРОПОЛИИ

За последние полвека судьба Русской Православной Церкви в Америке была сложной и богатой испытаниями. Революция оторвала американскую епархию от Матери-Церкви. Прекратилось не только поступление средств, но, что гораздо важнее, остановился приток образованных священников-миссионеров. Русская Церковь в США и Канаде потеряла свою первенствующую роль возглавительницы всех православных этнических групп в Америке, роль, которая ей принадлежала по праву старейшей православной епархии на американском континенте.

Кризис еще усилился ввиду того конфликта, который возник между приходами и епископатом. Возглавители Русской православной епархии в Америке, которым, в силу действующего статута, юридически принадлежали построенные приходами церковные здания, разделяли иллюзии большинства эмигрантов и были убеждены, что «политические беспорядки» в России не могут быть длительными. Епископы начали закладывать церковные здания, будучи уверенными, что им удастся выкупить закладные, как только снова начнут поступать средства из России... Легко себе представить, что должны были пережить прихожане, в подавляющем большинстве выходцы из бедных сел западной России и Австро-Венгрии, когда они узнали, что их храму, построенному на их трудовые деньги, грозит продажа «с молотка»! Храмы были спасены, но глубокое недоверие по отношению к высшей иерархии осталось не только у мирян, но и у белого духовенства. Эти настроения были идеальной почвой для «обновленчества», быстро перекинувшегося из России в Америку. Распространению «обновленческих» настроений способствовало также влияние окружающей американской среды. Религиозная психология американцев сложилась под влиянием протестантизма, иерархическое начало в котором было выражено очень слабо или даже начисто отрицалось. Память о том, что их предки покинули Европу потому, что они там терпели религиозные преследования, была жива в сознании тех американцев, которые определили психологию этого народа. Устраивая свою религиозную жизнь в Новом Свете, американцы — за исключением римо-католиков, влияние которых начало расти лишь за последние десятилетия — прежде всего стремились обособиться от «архиереев и старцев людских» и их возможных посяганий на общину, ее религиозную свободу и имущество. Начиная с двадцатых годов по этому пути были склонны идти и православные приходы. Составляя свои приходские уставы, они стремились к тому, чтобы максимально ограничить власть настоятеля и, особенно, епархиального архиерея — который был им «нужен» лишь для «торжественных служб» на храмовой праздник, да еще для рукоположения угодных приходу кандидатов в священство.

Разумеется, это положение несовместимо с православным учением о Церкви, которая есть не вольная ассоциация автономных приходов с архиереями в роли какой-то декоративной «надстрой-ки», а Тело Христово, в котором полнота административной власти может принадлежать лишь тем, кто обладает полнотой власти сакраментальной и учительной — т. е. епископам. Однако борьба за обновление Американской митрополии началась, в решительной

форме, лишь после окончания Второй мировой войны, когда в Америку прибыли многочисленные просвещенные пастыри и богословы из Европы. Одной из первых задач было создание полноценной богословской школы, что и было осуществлено ценой поистине героических усилий.

В 1955 году, на IX Всеамериканском Соборе, был принят, без борьбы, ныне действующий устав Митрополии, отражающий во всем вероучительный и канонический строй православной Церкви. Опираясь на этот Устав, возглавители Митрополии ведут последовательную борьбу с остатками тех настроений, которые мы выше назвали «обновленческими». В частности, Устав точно определяет порядок выборов нового митрополита, оставляя право конечного решения не за «демократическим большинством», а за епископами.

Последние пятнадцать лет Американскую митрополию возглавлял приснопамятный митрополит Леонтий, пользовавшийся, как среди духовенства, так и среди мирян, исключительной любовью и авторитетом. Уроженец Волыни, питомец Киевской Духовной Академии, покойный митрополит более полувека потрудился в Америке как священник-миссионер, ректор семинарии и, последние сорок лет жизни, как епископ. Своим происхождением и воспитанием покойный владыка Леонтий был укоренен в традициях русского православия, но он так же искренно был привязан к Америке и не уставал заботиться о своей многочисленной и разнородной пастве. И традиционный русский батюшка, на старости лет заброшенный в Америку волной эмиграции, и не знающий ни слова по-русски студент из Огайо, прадед которого переселился в Америку из Прикарпатской Руси, в одинаковой степени чувствовали в нем своего архипастыря и любящего отца. Всем своим авторитетом митрополит Леонтий поддержал создание «Постоянной конференции канонических православных епископов Америки». Эта конференция, возглавляемая греческим архиепископом Иаковосом, представителем Вселенского Престола на Америку, согласовывает действия православных этнических групп и создает предпосылки для возникновения единой Американской православной Церкви.

После кончины и погребения митрополита Леонтия Собор епископов избрал временным возглавителем митрополии архиепископа Бостонского и Ньюингландского Ириней. Согласно уставу, архиепископ Ириней созвал XII Внеочередной Собор американской митрополии, который собрался в Свято-Покровском кафедральном соборе города Нью-Йорка 22 сентября 1965 года.

Правом голоса обладают на Соборе, согласно Уставу, все епископы и священники митрополии (за исключением тех, кто нахо-

дится на покое), равное священникам количество выбранных приходами мирян, а также члены Митрополичьего совета и представители от духовных школ и монастырей. Всего на Соборе присутствовало 303 правомочных кандидата.

После молебна и избрания вице-председателей от духовенства и мирян и секретариата Собора, делегаты выслушали сообщение правителя дел и казначея Митрополии. Ввиду того что Собор был внеочередным, эти сообщения не подвергались обсуждению и носили характер информации. На вечернем заседании выступил проф. прот. А. Шмеман, который дал разъяснения о процедуре избрания нового митрополита и подчеркнул, что Собор, согласно Уставу, лишь предизбирает кандидата — право же принять или отвергнуть кандидатуру принадлежит епископам. «Если мы не признаем за епископами права последнего голоса, — сказал проф. прот. А. Шмеман, — то мы — не Церковь. Признавая за епископами право утверждать, мы, естественно, признаем за ними право и отвергать. Если епископы в своем решении будут руководствоваться не благом Церкви, а иными мотивами, то они, а не мы — священники и миряне — подпадут вечному осуждению».

Далее о. Александр Шмеман пояснил, что в том случае, если на первом туре кто-либо из кандидатов получит две трети голосов, епископы удаляются в алтарь для голосования об этом кандидате. Если кандидатура будет утверждена большинством голосов епископов, данное лицо объявляется избранным. Если епископы отвергнут данную кандидатуру, или если никто не получит двух-третей голосов, назначается второй тур голосования, причем в этом случае на избирательном бюллетене надлежит писать уже не одно, а два имени, и кандидат, ранее отвергнутый епископами, уже не может быть снова выдвигаем.

Второй день Собора начался с Божественной литургии, во время которой подавляющее большинство делегатов — как священнослужителей, так и мирян — приступили к Св. Чаше. Сразу же после литургии члены Собора заняли свои места и состоялся первый тур голосования, не принесший большинства в две трети ни одному из кандидатов. Относительное большинство голосов получил наиболее молодой по возрасту и по времени хиротнии из девяти епископов митрополии и единственный среди них американец по рождению — Преосвященный Владимир, епископ Токийский и Японский. На втором месте, по количеству полученных голосов, оказался Высокопреосвященный Ириней, архиепископ Бостонский и Ньюингландский. Второй тур голосования, состоявшийся сразу же после того, как были оглашены результаты первого,

принес схожие результаты — на первом месте был епископ Владимир, получивший, во втором туре, более двух-третей голосов, и на втором месте — архиепископ Ириней. Епископы удалились в алтарь и, стоя у престола, решили, путем тайного голосования, кого из двух предизбранных Собором кандидатов они желают видеть митрополитом. Тем временем члены Собора стоя воспевали молитвы, испрашивая у Бога мудрости и силы для своих архипастырей. Затем старейший по времени хиротонии иерарх — архиепископ Чикагский Иоанн — объявил Собору, что большинством семи голосов против двух избранным оказался архиепископ Ириней. В тот же день состоялось наставление нового первоиерарха, получившего титул архиепископа Нью-Йоркского, митрополита всея Америки и Канады. В торжестве наставления приняли участие главы греческой, сирийской и болгарской православных Церквей в Америке.

Нужно знать психологию американцев, которую мы кратко обрисовали в начале статьи, чтобы оценить всю духовную значительность XII Собора митрополии. Нужны были большая духовная зрелость и смирение для того, чтобы принять решение епископов, которые отказались утвердить кандидата, получившего большинство голосов. Собор эту зрелость и смирение проявил, ибо члены Собора осознали, что Церковь — не акционерное общество, в котором все решается «большинством голосов», а дом Божий, в котором, порой таинственно для нас, выявляется и совершается воля Божия. Тот, кто побывал на Соборе, ясно почувствовал, что духовенство и миряне Митрополии — не из тех, кто унижается до интриг и фракционной борьбы. С доверием к нашему новому первоиерарху и с готовностью во всем поддержать его на предстоящем ему крестном пути, мы повторяем дивные слова песнопения, прозвучавшего во время его наставления:

«На гору Сион взыди, благовествуяй, и Иерусалиму проповедуяй в крепости вознести глас: преславная глаголашася тебе, граде Божий, мир на Израиля и спасение языков».

БИБЛИОГРАФИЯ

The Russian Religious Renaissance of the XX Century — Nicolas Zernov. Darton, Longman & Todd, London, 1963, p.p. 410.

В конце 1963 года в Лондоне вышла книга Н. М. Зернова, посвященная истории духовного возрождения в России XIX и XX веков. Книга эта интересна не только для английского или западного читателя. Ибо она является едва ли не первой попыткой систематического и всестороннего обзора духовного возрождения русского общества, доведенного при этом до наших дней.

Мы не знаем насколько эта книга читается в русском зарубежье, но из достоверных источников нам известно, что немногие экземпляры ее, попавшие в Советскую Россию, вызывают там живейший интерес, комментарии и споры... Это вполне естественно. Автор книги выступает в ней не только как историк давно прошедшего, но и как очевидец и участник (недавнего и настоящего). Книга его не только объективное изложение того, что было, но и горячее исповедание веры в то, что должно быть. В этом отношении книга Н. М. Зернова не только повествование о русском духовном возрождении, но сама является фактом этого возрождения, зовом и проповедью.

Автор, давно работающий в английском академическом мире, усвоил себе лучшие традиции английской мысли. Он верит в силу традиции, он уважает «отцов» (даже тогда, когда резко с ними расходится), но критика никогда не переходит в брань...

С формальной стороны «ученая» сторона книги остается в тени; многочисленные и прекрасно подобранные цитаты, ссылки, указания источников не загромождают текста, не выпирают на первый план. Книга читается как роман, и только более внимательный взгляд обнаруживает ту огромную работу, которую автору пришлось проделать для того, чтобы дать на 330 страницах картину почти необъятных перспектив.

Такой широкий синтез, естественно, не может претендовать на бесспорность. С оценками и с прогнозами автора можно не соглашаться, но это несогласие должно носить тот же характер *fair play*, которым отличается все изложение автора.

О содержании этого труда можно судить по заглавиям отдельных глав: 1) Русская интеллигенция в борьбе с Империей и с Церковью. 2) Русская Церковь перед революцией. 3) Попытка церковной реформы (в основе этой главы лежит анализ изложения мнений епископов, подготовлявших Предсоборное Присутствие). 4) «Вехи». 5) История четырех обращений (духовный путь П. Б. Струве, Н. А. Бердяева, о. С. Булгакова и С. Л. Франка). 6) Дух и плоть. 7) Безвременье свободы. 8) Возвращение блудного сына. 9) Встреча с западным христианством. 10) Божественная Премудрость. 11) Завещание русской интеллигенции.

Если первые четыре главы являются для нас историей, то дальнейшее изложение посвящено тому, что мы пережили и переживаем до сих пор. Борьба за духовное начало наших отцов и вождей; трагедия нарастающей и грянувшей революции (автор видит в Распутине не простого прохо-

является в архитектуре. Это она определяет стиль и других областей искусства. Истинный исток архитектуры это храмостроительство. Исчезновение стиля свидетельствует об угасании веры. В периоды бесстилия отдельные художники могут еще создавать прекрасные творения, но стиль создается произведениями, порожденными соборной верой; это они способны заражать и создавать стиль.

В противоположность культуре, цивилизация есть порождение менее высоких потребностей человека, и язык ее не есть язык образов, а только знаков и обозначений, которые только регистрируют и ничего не объясняют. Одной из крайних форм этого языка являются математические формулы. В наш век, это из них притязают дать понятия об основных законах, управляющих Природой, которые не могут быть уже переведены ни на какой человеческий язык. Этот язык цивилизации может служить практическим целям, полезным и вредным (атомные бомбы), но не способен выразить что-либо, относящееся к миру ценностей и оценок (добро, красота, истина). А в этом мире человек только и может дышать. Попытки использовать язык техники для создания нового стиля обречены на неудачу. Техникой пользуются конечно и религия и культура, но здесь техника подчинена высшим ценностям и потребностям человека; современные же изобретатели нового стиля, пытаясь опереться на одни полезности, создают предметы (например, дома и вещи домашнего обихода), лишенные всякой человечности.

По причине недостатка времени докладчик просил извинить его, что он не может ответить на все поставленные ему интересные и живые вопросы и ограничился кратким но вдохновенным словом. В нем, раскрывая свое *credo*, он показал, что первичным источником всякого творчества, всех ценностей и оценок может быть только Бог, Предвечное Слово, в котором все высшие ценности: красота, благо, истина неразделимы.

Как бы ни был полон и ценен доклад В. В. Вейдле (в такой срок нельзя сказать больше), нельзя не пожелать дальнейшего развития всего сказанного. Тема о христианской культуре была только намечена. Думается, что никто другой, как В. В. Вейдле мог бы показать, что, после боговоплощения, полноценной культуры, кроме христианской, быть не может.

Вечером, на второй день Съезда, докладчиком был о. Кирилл Арженти. Его доклад можно назвать проповедью. Но какая это была проповедь! Вероятно, редко кому из ее слушателей доводилось слышать такого проповедника. Его слушали затаив дыхание. Для молодежи, может быть, все сказанное о. Кириллом могло быть новым и по содержанию. По мнению докладчика, неудачи, которые терпят многие христиане, что смолу хотят жить согласно христианскому идеалу, а потом понемногу все более и более живут по законам мира сего и, наконец, отрекаются от всего, что их вдохновляло в юные годы, объясняется тем, что люди не поняли своевременно в чем заключается истинная христианская жизнь. Она ведь вовсе не похожа на жизнь, согласно каким-либо идеалам, принципам или кодексу морали, а есть жизнь для Христа, со Христом и во Христе. Обрести же Христа можно только в Церкви, в полноте церковной и, в особенности, литургической жизни. Без живого общения со Христом, все самые добрые усилия человека обречены на неудачу. Неудачей в